

Соловьев С.М. История России с древнейших времен.
По Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. — М.: Голос; Колокол- Пресс, 1993-1998.

Том IX Глава 1. Царствование Михаила Феодоровича
(фрагмент)

ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Посольство от собора к новоизбранному царю. - Наказ послам. - Переговоры послов с Михаилом и его матерью. - Причины, почему новый царь не мог бояться участи своих предшественников. - Выезд Михаила из Костромы в Ярославль. - Переписка его с собором и боярами из Ярославля и с дороги из этого города в Москву. - Везд Михаила в Москву. - Его царское венчание. - Бедственное состояние государства при вступлении на престол Михаила. - Грамоты царя и собора по городам и к Строгановым. - Дело Шульгина. - Война с Заруцким. - Переписка правительства с козаками. - Ссора Заруцкого с астраханцами и Терским городом. - Действие стрелецкого головы Хохлова против Заруцкого. - Поимка Заруцкого. - Казнь его, сына Марины и Андронova, смерть Марины. - Движения воровских козаков на севере. - Действия против них князя Лыкова. - Восстание татар и черемисы в понизовых городах. - Сношения с Польшею. - Посольство туда Аладьина. - Военные действия: взятие Белой московскими войсками, неудачная осада Смоленска. - Война с Лисовским. - Действия и гибель черкас на севере. - Грамота панов радных к боярам. - Посольство Желябужского в Польшу и свидание его с Филаретом Никитичем. - Неудачные переговоры под Смоленском. - Сношения с Австриею, Турциею, Персиею, Крымом. - Посольство в Голландию и Англию. - Приезд английского посла Джона Мерика с целью содействовать заключению мира между Россиею и Швециею. - Положение Новгорода Великого под шведским владычеством. - Военные действия против шведов. - Оборона Тихвина. - Неудача Трубецкого и Мезецкого. - Взятие Гдова Густавом-Адольфом. - Неудачная осада Пскова. - Дедеринские переговоры при посредничестве английского и голландских послов. - Столбовский мир. - Очищение Новгорода. - Переговоры с Мериком, награды ему. - Взгляд Густава-Адольфа на Столбовский мир. - Посольство князя Борятинского в Швецию для окончательного подтверждения мира (1613-1617)

Провозгласивши царем шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, собор назначил ехать к нему в челобитчиках: Феодориту, архиепископу рязанскому, троим архимандритам - чудовскому, новоспасскому и симоновскому, троицкому келарю Авраамиию Палицыну, троим протопопам, боярам - Федору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодого царя, и князю Владимиру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окольникову Федору Головину с стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми из городов. Собор не знал подлинно, где находился в это время Михаил, и потому в наказе, данном послам, говорилось: "Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси в Ярославль или где он, государь, будет". Посланные, бив челом новоизбранному царю и его матери и уведомив их об избрании, должны были говорить Михаилу: "Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умильться над остатком рода христианского, многорасхищенное православное христианство Российского царства от растреления сыроядцев, от польских и литовских людей, собрать воединство, принять под свою государеву паству, под крепкую высокую свою десницу, всенародного слезного рыдания не

презреть, по изволению божию и по избранию всех чинов людей на Владимирском и на Московском государстве и на всех великих государствах Российского царствия государем царем и великим князем всея Руси быть и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву и подать нам благородием своим избаву от всех находящих на нас бед и скорбей; а как ты, государь, на своем царском престоле буешь на Москве, то, послыша про твой царский приход, литовские люди и все твои государевы недруги будут в страхе, а Московского государства всякие люди обрадуются. А как твой, государев, подвиг в царствующий град будет, то из Москвы митрополит и архиепископы с всем освященным собором, бояре и всякие люди встретят тебя с чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебе, государю, и прямить, и головы свои за тебя класть все люди от мала до велика рады". В заключении наказа говорилось: "Если государь не пожалует, станет отказывать или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он, государь, про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей".

Послы выехали из Москвы 2 марта, но еще прежде, от 25 февраля, разосланы были грамоты по городам с известием об избрании Михаила: "И вам бы, господа, - писал собор, - за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Федоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась - быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу; бог его, государя, на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости; всем людям о его избрании бог в сердце вложил одну мысль и утверждение". Вместе с этим известием разослана была и крестоцеловальная запись, в которой нет ничего о порче на следу и тому подобных вещах, встречаемых в годуновской записи. Присяга областей последовала быстро: уже 4 марта воевода Переяславля Рязанского дал знать в Москву, что жители его города присягнули Михаилу; за этим известием последовали другие - из областей более отдаленных. Наконец пришло известие от послов соборных, которые нашли Михаила с матерью в Костроме, в Ипатьевском монастыре. Послы доносили собору, что 13 марта они приехали в Кострому к вечеру, дали знать Михаилу о своем приезде и он велел им быть у себя на другой день. Послы повестили об этом костромскому воеводе и всем горожанам и 14 числа, поднявши иконы, пошли все с крестным ходом в Ипатьевский монастырь. Михаил с матерью встретили образа за монастырем, но когда послы объявили им, зачем присланы, то Михаил отвечал "с великим гневом и плачем", что он государем быть не хочет, а мать его Марфа прибавила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотели войти за крестами в соборную церковь; насилу послы могли упросить их. В церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты от собора и говорили речи по наказу, на что получили прежний ответ; Марфа говорила, что "у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо

служили". Марфа упомянула об измене Годунову, об убийстве Лжедмитрия, сведении с престола и выдаче полякам Шуйского, потом продолжала: "Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?" Потом Михаил и Марфа говорили, что быть ему на государстве, а ей благословить его на государство только на гибель; кроме того, отец его митрополит Филарет теперь у короля в Литве в большом утесненье, и как сведает король, что на Московском государстве учинился сын его, то сейчас же велит сделать над ним какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословенья отца своего на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и били челом Михаилу, чтоб соборного моленья и челобитья не презрил; выбрали его по изволению божию, не по его желанью, положил бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах. А прежние государи: царь Борис сел на государство своим хотеньем, изведши государский корень царевича Димитрия, начал делать многие неправды, и бог ему мстил кровь царевича Димитрия богоотступником Гришкою Отрепьевым: вор Гришка-расстрига по своим делам от бога месть принял, злою смертью умер; а царя Василья выбрали на государство немногие люди, и, по вражью действию, многие города ему служить не захотели и от Московского государства отложились; все это делалось волею божиею да всех православных христиан грехом, во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие. А теперь Московского государства люди *наказались* все и пришли в соединение во всех городах. Послы молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часа дня до девятого, говорили, чтоб он воли божией не снимал, был на Московском государстве государем. Михаил все не соглашался; послы стали грозить ему, что бог взыщет на нем конечное разоренье государства; тогда Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на праведные и непостижимые судьбы божи; Марфа благословила сына, Михаил принял посох от архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что поедет в Москву скоро.

Слова Феодорита с товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства *наказались* и пришли в соединение, - эти слова были вполне справедливы. Страшным опытом люди Московского государства научились, что значат рознь и шатость, развязывающие *руки вора*. Земские люди имели столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и будут в состоянии поддержать нового государя, несмотря на отсутствие материальных средств, на которое указывала Марфа. Казны нет и взять неоткуда, ибо государство разорено, земля наполнена воровскими козаками, не знающими меры своему буйству; Заруцкий грозит с юго-востока, шведы и поляки - с запада; новый государь - неопытный, мягкий молодой человек, около которого нет людей сильных умом и доброю волею, и несмотря на все это, Михаил удержался на престоле: при первой опасности, при каждом важном случае подле царя видим собор, одушевленный тою же ревностью, с какою *последние люди* шли на очищение государства. До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, восстанавливавшего наряд, до какой степени лучшие люди *наказались* в этом отношении, показывал

всего лучше подвиг Сусанина. Когда Михаил, выехавши из Москвы после сдачи Кремля, жил в Костроме, отряд поляков (как говорит грамота, но по всем вероятностям, воровских козаков, ибо поляков не было тогда более в этих местах), узнавши об избрании нового царя, отыскивал место его пребывания с целью умертвить нежеланного им восстановителя наряда; в этих поисках враги схватили крестьянина Ивана Сусанина из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым, и начали пытаться его страшными пытками, вымучивая показание, где скрывался Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

19 марта выехал Михаил из Костромы в Ярославль, куда приехал 21 числа. В другой раз Ярославль становился местом великого стечения народного, местом великого торжества: недавно его жители видели ополчение Пожарского, теперь видели желанный конец подвигов этого ополчения. Ярославцы и съехавшиеся к ним отовсюду дворяне, дети боярские, гости, люди торговые с женами и детьми встретили нового царя, подносили ему образа, хлеба, дары и от радости не могли промолвить ни слова. 23 марта Михаил писал в Москву к собору, говорил, как были у него в Костроме послы, как он долго отказывался от престола: "У нас того и в мыслях не бывало, что на таких великих государствах быть, по многим причинам, да и потому, что мы еще не в совершенных летах, а государство Московское теперь в разоренье, да и потому, что Московского государства люди по грехам измалодушествовались, прежним великим государям не прямо служили. И, видя такие прежним государям крестопреступления, позоры и убийства, как быть на Московском государстве и прирожденному государю, не только мне?" В заключение, уведомив о своем согласии, Михаил прибавляет: "И вам бы, боярам нашим, и всяким людям, на чем нам крест целовали и души свои дали, стоять в крепости разума своего, безо всякого позыбания нам служить, прямить, воров царским именем не называть, вора не служить, грабежей бы у вас и убийств на Москве и в городах и по дорогам не было, быть бы вам между собою в соединенье и любви; на чем вы нам души свои дали и крест целовали, на том бы и стояли, а мы вас за вашу правду и службу рады жаловать".

Собор отвечал, что все люди со слезами благодарят бога, молятся о царском здоровье, и просил: "Тебе бы, великому государю, нас, сирых, пожаловать, быть в царствующий град поскорее"; о том же писал собор и к послам своим, Феодориту с товарищами, прося дать знать, когда государь будет у Троицы и где прикажет себя встретить. Но из Ярославля приехал князь Троекуров с запросом собору: "К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь полниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам? Бьют государю челом стольники, дворяне и дети боярские, что у них дворцовые села отписаны и государю от челобитчиков доука большая: как с этим быть? чтоб на Москве и по дорогам грабежей никаких не было! Дворяне и дети боярские и всякие люди с Москвы разъехались - великому государю неизвестно, по вашему ли отпуску они разъехались или самовольством?" Собор отвечал: "Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного. О грабежах и воровствах заказ учинен крепкий, воров и разбойников сыскиваем и велим их наказывать. Дворян и детей боярских без государева указа с Москвы мы никуда не отпускали, а которые разъехались по домам, тем всем велено быть к государеву приезду в Москву". Прошел март; 1 апреля собор опять написал к послам своим - Шереметеву с товарищами, чтобы доложили государю, когда он будет в Москву и

где его встречать. 8 апреля царь отвечал на это следующей грамотой: "Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов; по этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш. Сборщики, которые посланы вами по городам для кормов, в Москву еще не приезжали, денег ни в котором приказе в сборе нет, а Московское государство от польских и литовских людей до конца разорено, города и уезды многие от войны запустели, наши дворцовые села и волости розданы были в поместья и запустошены, а иные теперь в раздаче; и на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба собирать не с кого. Атаманы и козаки беспрестанно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их пожаловать нечем и кормов давать нечего. Мы, по вашему челобитью и по челобитью всех чинов людей, идем к Москве вскоре, а которого числа из Ярославля пойдем, о том мы к вам велим отписать. И вам бы, богомольцам нашим, и боярам, и окольниковым, и приказным людям о том приговор учинить с стольниками, стряпчими, с дворянами московскими, с дворянами и детьми боярскими из городов, с атаманами, козаками, стрельцами, с гостями, торговыми и всякими жилецкими и приезжими людьми: чем нам всяких ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить, ружникам и оброчникам всякие запасы откуда брать? И об этом учинить вам полный приговор и к нам отписать вскоре. Вам самим ведомо: учинились мы царем по вашему прошению, а не своим хотеньем, крест нам целовали вы своею волею: так вам бы всем, помня свое крестное целованье, нам служить и о всяком деле радеть, и приговор свой учинить, как тому всему быть. Сами ведаете: недруги наши польский и литовский и немецкий король многими городами государства нашего завладели и в тех городах сидят их люди, а по вестям ждем прихода литовских и немецких людей под свои города вскоре, а под Торопцом литовские люди теперь стоят, и Торопцу ниоткуда помощи нет. Да многие дворяне и дети боярские бьют нам челом о поместьях, что вы у них поместья отнимаете и раздаете в раздачу без сыску: и вам бы те докуки от нас отвести и велеть дворян и детей боярских в поместных и вотчинных делах расправлять по сыску в правду, чтоб нам о том не били челом".

До сих пор царь переписывался с собором, но 11 апреля писали к нему одни бояре, опять Федор Иванович Мстиславский с товарищами, что в городах воевод нет, а без воевод городам быть нельзя; бьют челом атаманы, козаки и стрельцы о корме, сказывают, что прежде для них собирали кормы с дворцовых и монастырских сел. Мы, пишут бояре, стали было отпускать воевод в города и кормы собирать; но воеводы, атаманы, стрельцы и козаки говорят, что воеводы отпускаются по городам, и сборщики кормов по селам от государя: и мы воевод и сборщиков посылать без твоего государева указа не смеем. Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля и 17-го приехал в Ростов, откуда 19-го намерен отправиться дальше к Москве. "А идем медленно затем, - писал царь, - что подвод мало и служилые люди худы: стрельцы, козаки и дворовые люди многие идут пешком". Но и после этого Михаил двигался очень медленно: 25 апреля писал он со стану из села Любимова, что многие стольники, стряпчие и жильцы, обязанные сопровождать его, до сих пор не явились, и он приказывает боярам отписать у этих нетчиков поместья и вотчины; число нетчиков простиралось до 42. Царь писал также боярам, чтоб они приказали приготовить для него Золотую палату царицы Ирины с мастерскими палатами и сенями, а для матери его деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского; бояре отвечали, что приготовили для государя комнаты царя Ивана да Грановитую палату,

а для матери его хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа; тех же хором, что государь приказал приготовить, скоро отстроить нельзя, да и нечем: денег в казне нет и плотников мало; палаты и хоромы все без кровли, мостов, лавок, дверей и окошек нет, надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть.

Открылось еще новое затруднение, новое неудовольствие молодого царя: 28 апреля Феодорит и Шереметев писали собору: "Писал к вам государь много раз, чтоб у вас на Москве, по городам и по дорогам убийств, грабежей и никакого насильства не было; а вот 23 апреля пришли к государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных городов, переграблены донага и сечены, в расспросе сказали, что одни из них посланы были к государю с грамотами, другие - по городам собирать дворян и детей боярских и высылать на службу: и на дороге, на Мытищах и на Клязьме, козаки их перехватывали, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали; а стоят эти воры на Мытищах, другие - на Клязьме, человек их с 200, конные и пешие. Писали государю из Дмитрова приказные люди, что прибежали к ним из сел и деревень крестьяне, жженые и мученные огнем, жгли их и мучили козаки; 26 апреля эти воры пришли и в Дмитров на посад, начали было его грабить, но в то время случились в Дмитрове дворяне и дети боярские, козаки кормовые и торговые, и они им посада грабить не дали, с ними бились; и от этих воров дмитровцы, покинув город, хотят все брести врознь, а по селам и деревням от воров грабежи и убийства большие. Козаки, посланные в разные места на службу, берут указные кормы, да, сверх кормов, воруют, проезжих всяких людей по дорогам и крестьян по селам и деревням бьют, грабят, пытают, огнем жгут, ломают, до смерти побивают. И 26 апреля государь и его мать у Троицы на соборе говорили всяких чинов людям с большим гневом и со слезами, что воры кровь христианскую льют беспрестанно; выбрали его, государя, всем государством, обещались служить и прямить и быть всем в любви и соединении; а теперь на Москве, по городам и по дорогам грабежи и убийства; забыв добровольное крестное целованье, воры дороги все затворили гонцам, служилых и торговых людей с товарами и ни с какими запасами не пропускают. И государь и мать его, видя такое воровство, из Троицкого монастыря идти не хотят, если всех чинов люди в соединение не придут и кровь христианская литься не перестанет. Государь и мать его нам говорили: вы нам били челом и говорили, что все люди пришли в чувство, от воровства отстали, так вы нам били челом и говорили ложно. И мы, господа, слыша такие слова от государя и опалу, стали в великой скорби и с соизволения государя послали к вам выборных из всяких чинов сказать вам, чтоб вы, помня души свои и крестное целованье, воров сыскивали, от воровства и грабежа их уняли". О том же писал собору и сам царь: "Можно вам и самим знать, - говорится в царской грамоте, - если на Москве и под Москвою грабежи и убийства не уймутся, то какой от бога милости надеяться? Никакие люди в Москву ни с какими товарами и с хлебом не поедут, дороги все затворятся, и если не будет из Москвы в города, а из городов в Москву проезду, то какому добру быть? Да и то нам подлинно известно, которые гости, торговые и всякие жилецкие люди в московское разоренье разбежались из Москвы по городам, а теперь велено им с женами, детьми и со всем имением ехать в Москву, и отданы они в том на крепкие поруки; и те все люди для убийства и грабежей в Москву ехать не смеют". Царь или его мать не удовлетвоались и ответом бояр насчет невозможности отделать кремлевские палаты к их приезду, от 29 апреля царь писал боярам: "По прежнему и по этому нашему указу велите устроить нам Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья; вы писали нам, что для матери

нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится".

30 апреля собор приговорил: боярам князю Ивану Михайловичу Воротынскому да Василью Петровичу Морозову, окольникову князю Мезецкому и дьяку Иванову с выборными из всяких чинов ехать к государю, бить челом, чтоб он умилосердился над православными христианами, походом своим в Москву не замешкал; а про воровство про всякое митрополит и бояре заказ учинили крепкий, атаманы и козаки между собою уговорились, что два атамана чрез день осматривают каждую станицу и, чье воровство сыщут, тотчас про него скажут и за воров в челобитчиках быть не хотят; в Москве во всех слободах и в козачьих таборах велели заказ крепкий учинить, чтоб воровства и корчем не было нигде, объезжих голов по улицам расписали, а где воры объявятся по дорогам, то на них станут из Москвы посылать посылки. Воеводы ополчения - князь Трубецкой и князь Пожарский послали царю челобитную: "Были мы, холопи твои, Митька Трубецкой и Митька Пожарский, на твоей государевой службе под Москвою, голод и нужду великую терпели, и в приходы гетманские в крепких осадах сидели, с разорителями веры христианской бились, не щадя голов своих, и всяких людей на то приводили, что, не увидя милости божией, от Москвы не отхаживать. Милостью божиею и всяких людей прямою службою и кровью Московское государство очистилось и многие люди освободились; а теперь приходят к нам стольники, стряпчие, дворяне московские, приказные люди, жильцы, городовые дворяне и дети боярские, которые с нами были под Москвою, и бьют челом тебе, государю, чтоб им видеть твои царские очи на встрече; но мы, без твоего государева указа, на встречу к тебе ехать не смеем, ожидаем от тебя милости и указа, как ты нам повелишь".

Посланные от собора, князь Воротынский с товарищами, нашли Михаила в селе Братовщине, на половине дороги от Троицкого монастыря к Москве. Государь и мать его, выслушав их челобитье, сказали милосердное слово, что будут на последний стан от Москвы, в село Тайнинское, 1 мая, а в Москву въедут 2 мая. В этот день, в воскресенье, поднялись в Москве всяких чинов люди, от мала до велика, и вышли за город на встречу к государю. Михаил и мать его слушали молебен в Успенском соборе, после чего всяких чинов люди подходили к руке царской и здоровались великому государю.

11 июля происходило царское венчание. Перед тем как идти в Успенский собор, государь сидел в Золотой подписной палате, и тут сказано было боярство двоим стольникам: родственнику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, и вождю-освободителю, князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому; у сказки последнему назначен был стоять думный дворянин Гаврила Пушкин, который бил челом, что ему у сказки стоять и меньше князя Дмитрия быть невместно, потому что его родственники меньше Пожарских нигде не бывали. Государь указал для своего царского венца во всяких чинах быть без мест и велел этот свой указ при всех боярах в разряд записать. Выступил дьяк Петр Третьяков и объявил, что боярин князь Мстиславский будет осыпать государя золотыми, боярин Иван Никитич Романов будет держать шапку Мономахову, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой - скипетр, новый боярин князь Пожарский - яблоко, и опять послышалось обычное челобитье: Трубецкой бил челом на Романова, что ему меньше его быть невместно. Государь сказал Трубецкому: "Известно твое отечество перед Иваном, можно ему быть тебя меньше, но теперь быть тебе меньше его потому, что мне Иван Никитич по родству дядя; быть вам без мест". Когда дело таким образом уладилось, государь пошел в соборную церковь, где венчался царским венцом от казанского митрополита

Ефрема. На другой день, 12 июля, праздновались царские именины (св. Михаила Малейна); для этого торжества пожаловал государь в думные дворяне Кузьму Минина.

Милостей, льгот народу новый государь не мог дать для торжества своего царского венчания: казна была пуста; а между тем обстоятельства были тяжелые. 24 мая царь принужден был писать Строгановым: "Бьют нам челом на Москве дворяне и дети боярские, козаки, стрельцы и всякие ратные люди, что они, будучи под Москвою, многие нужды и страсти терпели и кровь проливали, поместья и вотчины у них от долгой войны запустели и службы своей исполнять им нечем; стрельцы и козаки служивую рухлядь проели, и на нашей службе им быть нельзя за великою бедностью; в казне нашей денег и хлебных запасов в житницах нет, служивым людям жалованья дать нечего. Выходцы и языки в расспросе боярам нашим сказывают, что литовские люди хотят идти под Москву, а в нашей казне денег и в житницах хлеба нет нисколько. Сколько вы с своих вотчин в нашу казну денежных доходов платите, нам про то подлинно не ведомо; и теперь по нашему указу послан к вам Андрей Игнатъевич Вельяминов; велено ему с ваших вотчин за прошлые годы и за нынешний год по книгам и по отписям наши денежные доходы взять сполна и привезть к нам. Да у вас же мы приказали просить займы для христианского покою и тишины денег, хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров, что можно дать ратным людям; а сколько чего займы дадите, деньгами, хлебом и товаром, и то приказали мы записывать в книги, а вам давать с книг выписи архимандричьими, игуменскими и сборщиковыми руками, по чему вам тот заем из нашей казны взять; хотя теперь и промыслов убавьте, а ратным людям на жалованье дайте, сколько можете, а как в нашей казне деньги в сборе будут, то мы вам велим заплатить тотчас. Так вам бы непременно ратным людям на жалованье дать без кручины: лучше всякой милостыни ратным людям помочь и этою помощью божии церкви в лепоте и святую веру в целости учинить, православных христиан от нахождения иноверцев освободить! Что вы дадите, мы непременно велим заплатить, и службу вашу к нам, и раденье ко всему Московскому государству учиним навеки памятными. Если же вы нам займы денег, хлеба и товаров не дадите и ратные люди, не терпя голоду и нужды, из Москвы разойдутся, то вам от бога не пройдет так даром, что православная христианская вера разорится". Духовенство от имени всего собора писало Строгановым: "Ратные люди великому государю бьют челом беспрестанно, а к нам, царским богомольцам, и к боярам приходят с великим шумом и плачем каждый день, что они от многих служб и от разоренья польских и литовских людей бедны и служить не могут, на службе им есть нечего и оттого многие из них по дорогам ездят, от бедности грабят, побивают, а унять их никакими мерами, не пожаловав, нельзя; только им не будет царского денежного и хлебного жалованья, то все они от бедности поневоле станут воровать, грабить, разбивать и побивать. И теперь мы, царские и ваши богомольцы, также бояре, окольничие и всякие люди всех городов всего великого Российского царствия, поговоря на *вселенском* соборе, били челом государю, чтоб он послал к вам во все города для денежных сборов, хлебных и всяких запасов сборщиков, дворян больших, от своего царского лица и от всех нас вскоре, чем бы ему великому государю всяких ратных людей пожаловать". В заключении грамоты духовенство благословляет тех, которые исполняют требование царя и собора, и грозит клятвою ослушникам. Такие же точно грамоты разосланы были по всем городам; правительство убеждало граждан к щедрости примером москвитян: "Непременно бы вам, ратным людям, помочь, не огорчаясь, а не так сделать, как московские гости и торговые люди: сначала себя пожалели, ратным людям на жалованье денег не дали и оттого увидали над собою конечное разоренье, имения своего всего отбыли".

Ногаи пустошили украины, переправились через Оку, повоевали коломенские, серпуховские, боровские места и приходили даже в Домодедовскую подмосковскую волость. Ратные люди грабили по дорогам, не получая жалованья; сборщики податей, езда по областям за жалованьем ратным людям, тоже грабили, так что правительство вынуждено было отзывать их и на самих крестьян возлагало обязанность собирать деньги и привозить их в Москву. Монастыри жаловались на разоренье от литовских людей, просили льгот, старых и новых. Купцы иностранные также жаловались на разоренье, просили льгот, и правительство, чтоб усилить торговлю, исполняло их просьбы, "для иноземства, для бедности и разоренья". В отдаленных городах оказывалось явное сопротивление финансовым мерам правительства: так, нужно было наказать чердынцев, "трех человек, бив батоги, вкинуть на месяц в тюрьму, чтоб им вперед не повадно было ослушаться". Но чердынцы ослушались и прибили сборщика. На Белеозере посадские люди также не хотели платить податей, и когда воеводы велели их поставить на правеж, то они на себе править не дали, велели звонить в набат и воевод хотели побить, после чего сборщики податей являлись в селения уже с вооруженными отрядами. Коломенский воевода писал к государю: "Велено дать посланникам, которые едут в Турцию, 250 человек гребцов; но на яму всех ямщиков десять человек, собрать гребцов не с кого: мы хотели взять с посадских людей, но те нам гребцов не дают, двое из них приходят на нас с шумом и слушаться нас не велят; и из других мест такие же отписки, что денег, запасов и гребцов для посланников собрать нельзя, не с кого, и посланники ждут". Из Рязани архиепископ, духовенство, дворяне и дети боярские били челом: "С тех пор как вор начал называться царским именем, пошли усобицы и войны, наши отчины и поместья разорены до конца, все мы домов своих отбыли и жили с людишками своими в Переяславле, а как земля соединилась, начали приходиться татары часто и досталь домишки наши выжгли, людишек и крестьянишек наших остальных перехватили и самих многих нашу братью на пустошах взяли и побили, и теперь татары у нас живут без выходу; приехал к нам твой государев посланник, что едет в Царь-град, живет в Переяславле три недели и нас из подвод и запасов мучит на правеже, а нам взять негде". При таких обстоятельствах новое правительство должно было вести упорную войну с врагами внутренними и внешними. Внутри свирепствовали козаки - надежда тех, которые хотели продолжения Смутного времени. Никанор Шульгин по приказанию собора выступил с казанским войском в поход против Заруцкого, но, узнав об избрании Михаила, остановился в Арзамасе, написав 15 марта в Москву, что не будет продолжать похода по приговору ратных людей, которые издержали свои запасы и более не могут оставаться на службе; в то же время Шульгин извещал собор, что все казанское войско присягнуло Михаилу, а между тем внушал этому войску, что не должно признавать нового царя, который избран без совета с Казанским государством. Никанор надеялся на козаков и, чтоб возмутить их, оставил войско в Арзамасе и отправился в Казань, но здесь не хотели больше козацкого царства, и когда Шульгин приехал в Свияжск, то уже там ждали его послы из Казани, которые объявили ему, что Казань присягнула Михаилу и что ему, Никанору, туда ехать незачем, а чтоб он не вздумал ослушаться, посадили его за приставов. Государь удивился, узнавши, что Никанор за приставами, и послал из Ростова приказ собору разведать, в каком он деле попался? Дело объяснилось, и Шульгина сослали в Сибирь, где он и умер.

Шульгин надеялся на козаков, и козаки еще не теряли надежды: у них оставался Заруцкий. Опустошивши Михайлов, Заруцкий ушел в Епифань, оставив в Михайлове своего воеводу; но 2 апреля михайловцы миром схватили этого воеводу, посадили за пристава, козаков *вольных* перехватили и посажали в тюрьму и дали

знать об этом в Зарайск и Переяславль Рязанский, прося помощи. Вскоре после этого два козака прибежали из Епифани в Каширу и в расспросе сказывали: "Побежало их от Заруцкого детей боярских и козаков человек с двести, зато к Заруцкому пришло черкас человек с триста; Заруцкий хочет идти в Персию, а Марина с ним идти не хочет, зовет его с собою в Литву, у козаков был об этом круг, и многие козаки хотят обратиться к государю". Потом приехали в Каширу четырнадцать человек козаков и объявили, что у Заруцкого 2500 козаков, кроме новоприбыльных черкас, и что он сказал своему войску поход на Украину. Получив эти вести, бояре, князь Мстиславский с товарищами, 13 апреля решили идти из Москвы на Заруцкого воеводе князю Ивану Одоевскому с воеводами - из Михайлова, Зарайска, Владимира, Суздаля и других городов; но в то же время боярам дали знать, что Заруцкий убежал из Епифани, выграбил Дедилов, сжег Крапивну, хочет идти на Тулу. Царь отвечал на эти донесения боярам, чтоб они всякими мерами промышляли, над Заруцким поиск учинили и с литовскими людьми ему сойтись не дали. Князь Одоевский выступил из Москвы 19 апреля; в мае дали знать в Москву, что Заруцкий приступал к Ливнам и оттуда пошел к Лебедяни, вследствие чего князю Одоевскому в Тулу был послан приказ идти со всеми людьми на Заруцкого в Донков и к Лебедяни. Одоевский выступил из Тулы, и скоро пришла от него весть, что он сошелся с Заруцким у Воронежа, бился с ним два дня без отдыха и побил наголову, наряд, знамена, обоз взял, языков многих схватил, коши все отбил, и Заруцкий с немногими людьми побежал в степь, за Дон, к Медведице. Так доносил воевода, но летописец говорит, что воеводы Заруцкому ничего не сделали, что он побил множество воронежцев и ушел к Астрахани. Некоторые козаки не хотели следовать в степь за Заруцким и пришли с повинною в Москву, говоря, что вслед за ними будут и другие их товарищи; царь простил их и послал под Смоленск.

Между тем воевода Одоевский с товарищами писал к козакам на Волгу, что "их атаманскою и козачьею службою, радением и дородством Московское государство очистилось и учинилось свободно; и ныне ваша братья, атаманы и козаки, многие по вере христианской поборают, врагов и разорителей доходят и Литовскую землю воюют; а в великих государствах государя нашего строится все доброе, всякие люди пришли в познание и между собою учинились в любви, в совете и соединении; только теперь от всего Московского государства отлучаясь, в одной Астрахани ведомый вор и желатель крови христианской, черкашенин Ивашка Заруцкий с Маринкою заводят воровство и смуту". Воеводы увещевают козаков, чтоб они не приставали к Заруцкому и к люторке-еретице Маринке, а шли бы в сход к ним, воеводам, и промышляли с ними вместе над ворами: "А чем будете вы скудны, то знайте, - с нами государев запас, вино, денежная казна и сукна есть, ничем скудны не будете". Воеводы писали и к жителям Астрахани с увещанием оставить Заруцкого: "Сами ведаете, какое ныне у вас в Астрахани зло учинил: кровь многую православных христиан пролил, окольничего и воеводу, князя Ивана Дмитриевича Хворостинина, и иных многих без милости побил, на которых прежде и смотреть не смел он, злодей Ивашка черкашенин безверник: а Маринка, люторка-еретица, о разлитии крови христианской не жалеет, то себе в похвалу ставят, от истины на ложь соблазняют, и с персидским шахом ссылаются, великого государя нашего искони вечную отчину. Астраханское царство, и в ней всех вас, православных христиан, шаху отдать хотят, желая великого государя нашего и его великие Российские государства с Абасом шахом ссорить".

Возбуждая против Заруцкого волжских козаков, московское правительство возбуждало против него и орду Ногайскую, извещая князя ее Иштерека, что Заруцкий выпустил в Астрахани из тюрьмы врага его, мурзу Джан-Арслана.

Посланы были грамоты и к донским козакам вместе с царским жалованьем, сукнами, селитрою, свинцом, зельем и запасами; духовенство во имя православия увещевало донцов, чтоб немедленно шли в Северскую землю против литовских людей, за что получают благословение от бога и славу от людей. Донцы приняли с честью московских посланников, извещавших и об избрании нового царя, обрадовались царскому имени, в звоны звонили, молебны пели, из наряда стреляли, били батогами нещадно одного из своих, который объявил, что калужский вор жив, обещались служить и прямить Михаилу точно так же, как и его предшественникам, но отказались идти в Северскую землю на литовцев. Желая мира с турками, правительство требовало от донцов, чтобы они прекратили свои поиски над Азовом; козаки обещали быть в мире с азовцами, но до тех пор только, пока русские послы возвратятся из Константинополя, и требовали от царя жалованья, денег, сукон, запасов, чтоб было чем им прокормиться и одеться во время мира с Азовом. Царь должен был согласиться на это условие, обещал и больше, послав на Дон знамя. "И вам бы с тем знаменем, - говорится в царской грамоте, - против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердый бог помощи подаст; к нам, великому государю, по началу и по своему обещаю службу свою и раденье совершали бы, а наше царское слово инако к вам не будет".

Донцы, получив государево жалованье, вынесли царское знамя, составили около него круг, а под знаменем лежал человек, осужденный на смерть: когда царский посланник Опухтин спросил, что это за человек, то ему сказали: "Двое пьяных козаков проговорились, что атаманы и козаки за посмех вертятся, а от Ивашки Заруцкого не избыть, быть под его рукою". Одного из этих козаков прежде повесили, а другой приговорен к смерти и лежит теперь под знаменем. При этом многие козаки били челом посланнику, чтоб он для имени царского величества отпросил у них этого молодца от казни, потому что он виноват без хитрости, неумышленно, сопьяна. Посланник, зная, что так бывало и прежде, и видя, что тут было много козаков с Волги и Яика, чтоб их государскою милостию обнадежить, начал говорить: "Вы этому козаку ничего не сделали до меня; я теперь приехал с царским жалованьем, у вас у всех теперь радость, а государь милосерд и праведен, всех нас, виноватых, пожаловал, ничьих вин не помянул: так и вы бы теперь этого виноватого для имени царского величества пощадили: а царское величество бог в сохраненье держит, и враги ему никакого зла сделать не могут". Только что посланник выговорил эти слова, козаки завопили: "Дай, господи, государю царю здоровья на многие лета! Сами мы знаем, что государь милосерд и праведен, божий избранник, никто ему зла сделать не может". Осужденного подняли, и атаман Епиха Радилов стал его бранить, тазал его долго: "Пора придти в познанье: сами знаем, сколько крови пролилось в Московском государстве от нашего воровства и смутных слов, что вмещали в простых людей; мы уже по горло ходим в крови христианской; теперь бог дал нам государя милостивого, и вам бы, собакам, перестать от воровства, а не перестанете, то бог всех вас побьет, где бы вы ни были".

Скоро пришла в Москву страшная весть, что Заруцкий ссылается с волжскими и другими соседними козаками, сзывая их на обычную войну с государством. Грамота за грамотой пошла из Москвы на Дон и на Волгу: сперва от царя, потом от духовенства, наконец от бояр и всяких чинов людей, с увещанием не соединяться с Заруцким, но стоять против него. Грамоты по-прежнему льстят козакам, хотят выставить государственные подвиги их и тем сильнее заставить их служить государству. Заруцкий выставляется человеком, который первое злое дело Московскому государству завел: "Думного дворянина и воеводу Прокофья

Ляпунова, который сперва за неправду Жигимонта короля стоял, Заруцкий, учиня сейм, велел советникам своим убить, чтоб польских и литовских людей обнадежить". Здесь грамоты виновником смерти Ляпунова выставляют прямо Заруцкого; но мы видели, что в грамоте Пожарского к областным жителям с жалобою на Шереметева виновником смерти Ляпунова выставлен этот Шереметев. В приведенных грамотах к козакам главным виновником восстания против поляков выставлен Ляпунов, а в других грамотах о Ляпунове не говорится ни слова и вся честь приписывается Трубецкому. Вообще в грамотах того времени не заботились о согласном свидетельстве, а выставляли события, смотря по обстоятельствам. Продолжая перечислять дурные дела Заруцкого, московские грамоты говорят, что по смерти Ляпунова он взял к себе поляков, Евстафия Валявского да Казановского и других, и с ними вместе умышлял разоренье Московского государства, звал к себе тайно и гетмана Сапегу со всем войском, ссылаясь с поляками, осажденными в Кремле и Китае, условливался с ними, что зажжет стан подмосковный в то время, как поляки сделают вылазку из города, но что лазутчиков его схватили и пытали, а панов Валявского и Казановского казнили всею ратью. В грамотах говорится также, что еще в 1612 году Сигизмунд присылал к Заруцкому ротмистра Синявского, убеждая его мутить Московское государство до тех пор, пока он, король, заключит мир с турками и заплатит жалованье войску, а там он пойдет на Москву, взявши которую даст Заруцкому в отчину Новгород Великий, или Псков с пригородами, или Смоленск и сделает его великим у себя боярином и владетелем.

Чтобы грамоты были подействительнее для козаков, царь послал на Волгу деньги, сукна, запасы, вина: "И вы б, атаманы и козаки, видя к себе нашу царскую милость и признание, нам, великому государю, служили и прямили и на изменников наших стояли: а мы, великий государь, учнем вас держать в нашем царском милостивом жалованье и в признание свыше прежних царей российских". Наконец отправлены были две грамоты и к самому Заруцкому от царя и духовенства; царь обещал помилование в случае обращения; духовенство грозило проклятием в случае ослушания царской грамоте. Донские козаки писали к волжским своим собратиям о покое и тишине, но в очень неопределенных выражениях, вероятно, потому, что козаки имели о покое и тишине неясное понятие. "Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всех рек пресловутых господам атаманам и козакам и всему великому войску. Прислал к нам самодержавный государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси свои царские грамоты и жалованное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукна, и запас и к вам на пресловутую реку послал тоже жалованье многое денежное и сукна, и селитру, и запас. И мы к вам, господа, послали его царские грамоты ко всему войску, и в Астрахань, и к Заруцкому, и ко всем чинам Российского царства и Московские области, чтоб господь бог гнев свой отвратил и на милосердие преложил, чтоб покой и тишину вы восприяли и в соединении были душами и сердцами своими, и ему, государю, служили и прямили, а бездельникам не потакали; заднее забывайте, на переднее возвращайтесь, ожидайте, государи, будущих благ, а ведаете и сами святого бога писание: тысячи лет, яко день един, а день един, яко тысячи лет. А мы, господа, к вам много писывали прежде о любви, да от вас к нам ни единой строки нет, мы и атаманов больших у вас не знаем; а вы, господа наши, на нас не дивитесь (не сердитесь)". Но почему же донцы думали, что волжские козаки будут на них дивиться? Любопытна также и надпись на грамоте: "Великие Российские державы и Московские области оберегателям, волжским, терским и яицким атаманам и молодцам и всему великому войску".

Между тем к князю Одоевскому с товарищами приходили вести с севера, что шайки козаков тянутся из уездов Белозерского, Пошехоньского, чрез уезды Углицкий, Ярославский и Романовский к юго-востоку, пробираясь к Заруцкому. Ногайский князь Иштерек сначала был в ссоре с Заруцким, но потом помирился, дал сыновей в заложники и поклялся, что весною пойдет со всеми ногаями осаждать Самарскую крепость, а Заруцкий объявил, что весною же отправится на стругах вверх по Волге против льду с пушками под Самарский город и под Казань. Город Терский объявил себя за Заруцкого; но в Астрахани добрые люди повиновались ему невольно и с нетерпением ждали государевых полков. Зимой перед Николиным днем Заруцкий и Марина выслали в мир какую-то грамоту и велели всяких чинов людям прикладывать к ней руки, а смотреть в нее не дали никому; духовенство и все люди прикладывали руки поневоле. Марина видела нерасположение граждан и боялась восстания; памятен ей был страшный звон московских колоколов 17 мая, она боялась того же и в Астрахани и запретила ранний благовест к заутреням под предлогом, что звон пугает ее маленького сына. Купцы иноземные, бухарцы, гилянцы и другие, ограбленные Заруцким, разбежались. Днем и ночью на пытках и казнях лилась кровь добрых людей, а Заруцкий разъезжал за город с ногайскими татарами, которые в числе пяти или шести сот пили и ели у него с утра до вечера, он прикармливал их, чтоб заставить идти с собою на весну под Самарский город и под Казань; он говорил: "Знаю я московские наряды: покамест люди с Москвы пойдут, я до той поры Самару возьму да и над Казанью промысл учиню". Как видно, Заруцкий выдавал себя в Астрахани за Дмитрия; по крайней мере до нас дошла от 1614 года челобитная с обращением к царю Димитрию Ивановичу, царице Марии Юрьевне и царевичу Ивану Димитриевичу. Заруцкий надеялся также на шаха, но персидские купцы уверяли астраханцев, что Аббас Астрахани не возьмет, своих людей не пришлет и казны Заруцкому не даст, потому что не захочет ссориться с Московским государством. Что касается до волжских козаков, то ближайшая к Астрахани станица под атаманом Верзигую тянула к вору: но в верхних козачьих городках козаки были против Заруцкого: очевидцы рассказывали, что когда пришла туда с Дону уже известная нам грамота, то съехавшиеся козаки, прочтя грамоту, обрадовались, Заруцкого, Марину и сына ее проклинали и ругали, несмотря на то что Заруцкий, приглашая воевать государство, обещал пожаловать тем, чего у них и на разуме нет; козаки говорили: "От нашего воровства уже и так много пролилось христианской крови, много святых обителей и церковей божиих разорено, так уже теперь нам больше не воровать, а приклониться к государю царю Михаилу Федоровичу и ко всей земле". Но козаки по своему обычаю хотели сделать службу государю и всей земле как можно для себя выгоднее; для этого они собирались ехать в Астрахань, взять у вора обманом жалованье, да и учинить над ним промысел; потом собирались идти на море, дожидаться шаховых судов, чтоб их погромить; а если не удастся погромить персидских кораблей, то идти под Астрахань грабить татарские юрты: пока змея в норе, так тут над нею и промысел чинить, говорили атаманы. Но молодые козаки говорили иное: "Нам все равно, где бы ни добыть себе зипунов, а то почему нам и под Самарский не идти с Заруцким?" 560 таких охотников до зипунов перешли к Заруцкому в Астрахань; говорят, что Заруцкий, обрадовавшись приходу козаков и ненавидя многих граждан за их нерасположение к себе, хотел в самое Светлое Воскресенье перерезать всех подозрительных ему людей. В самом ли деле Заруцкий имел такое намерение или только астраханцы, испуганные приездом козаков, подозревали умысел - решить трудно; но как бы то ни было, между астраханцами и козаками произошли ссоры; Заруцкий принужден был запереться в Кремле, а граждане сели на посаде, и в среду на страстной неделе завязался между ними бой (1614 г.).

Между тем пришла весть, что и Терек отложился от Заруцкого. Здесь, так же как и в Астрахани, не все жители усердствовали вору с ворухою и воренком, а были за них больше потому, что жили далеко от Москвы и не получали оттуда никаких вестей. Терский воевода Петр Головин был особенно подозрителен Заруцкому, который послал в Терский город взять воеводу и привести его в Астрахань; но терские люди не выдали Головина и сказали посланцам астраханским: "Али вы и Петра Головина хотите погубить так же, как погубили князя Ивана Хворостинина? Нам с вами в совете воровском не быть и от московских чудотворцев не отстать". В половине Великого поста приехал на Терек Михаил Черный от Заруцкого; Черный пробирался в Кабарду возбуждать горцев на Русь; но терские люди были уже в разладе с Заруцким и подозревали его в дурных замыслах насчет своего города; они схватили Черного и привели к воеводе на допрос: сначала Черный не хотел ничего говорить о замыслах Заруцкого, наконец пытка развязала ему язык: он объявил, что Заруцкий неистовствует в Астрахани, где большинство жителей не на его стороне, казнит, сажает в воду добрых людей, духовенство, грабит их имущества, святотатствует: взял из Троицкого монастыря кадило серебряное и слил себе из него стремя; сердится на Терский город, хочет быть там на Велик день, казнить воеводу Головина и с ним многих людей. Последнее известие заставило воеводу и весь мир принять меры решительные: они тотчас же целовали крест царю Михаилу и отправили под Астрахань стрелецкого голову Василья Хохлова с 700 человек. Прибыв под Астрахань, Хохлов привел к присяге ногайских татар, в том числе обратился также к царю и известный уже нам Иштерек-бей, написавший к князю Одоевскому грамоту, в которой очень наивно представлено положение зависимого татарина в смутах Московского государства: "Его милость царь дал нам грамоту, изволил обязать защищать нас против всех врагов, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу верою и правдою. Между тем астраханские люди и вся татарская орда начали теснить нас: служи, говорят, сыну законного царя. Весь христианский народ, собравшись, провозгласил государем сына Димитрия царя. Если хочешь быть с нами, так дай подписку, да еще и сына своего дай аманатом. Не хитри, пестрых речей не води с нами, не то мы Джана-Арслана с семиродцами подвинем и сами пойдем воевать тебя. По той причине мы и дали уланов своих аманатами".

Хохлов нашел астраханцев в явной войне с Заруцким; но война эта была невыгодна для первых, потому что на них с кремля обращены были пушки. 2000 мужчин, 6000 женщин и детей выбежали в стан к Хохлову. Но и Заруцкий, видя, что ему нельзя в астраханском кремле дожидаться царских воевод, 12 мая ночью бежал из Астрахани и поднялся немного вверх по Волге; Хохлов бросился за ним, нагнал и нанес сильное поражение; Заруцкому с Мариною и сыном ее удалось уйти на море, но Хохлов отправил за ним новые погони. Между тем царские воеводы, узнав, что Заруцкий стеснен в Астрахани, поспешно двинулись к этому городу; на дороге узнали они, что Астрахань уже очищена от воров; это известие, как видно, было неприятно князю Одоевскому, потому что вся честь подвига принадлежала теперь не ему, а Хохлову. Он писал к последнему, чтоб тот не извещал царя об астраханских событиях до его приходу, а если уж послал гонца, то воротил бы его с дороги, "потому что им, воеводам, надобно писать к государю о многих государевых делах". Не участвовавши несколько в освобождении Астрахани, воевода требовал от Хохлова, чтоб тот заставил астраханцев торжественно встретить его: "А нас велеть встретить терским и астраханским людям, по половинам, от Астрахани верст за тридцать или за двадцать". Узнав, что Заруцкий бросился на Яик, Одоевский 6 июня отрядил туда двух стрелецких голов, Пальчикова и Онучина, для поимки; 23 июня посланные настигли беглецов и начали битву, собственно, не с Заруцким, но с его хозяевами - козаками, атаманами Усом с товарищи, потому что этот Ус владел всем, а Заруцкому

и Марине не было ни в чем воли. Пальчиков и Онучин осадили козаков в их городке, и те, видя крайность, принуждены были добить челом, целовать крест государю Михаилу Федоровичу и выдать Заруцкого с Мариною, сыном и чернецом Николаем. Это было 25 июня. Пленников привезли в Астрахань, откуда немедленно же отправили в Казань, потому что, писал Одоевский, в Астрахани мы их держать не смели для смуты и шатости. Заруцкий был отправлен отдельно от жены; Марину провожали 600 стрельцов, Заруцкого - 230; в случае нападения сильнейшего воровского отряда провожатым велено было побить пленников. Из Казани их отправили в Москву, здесь Заруцкого посадили на кол, сына Марины повесили: сама Марина умерла в тюрьме, с горя - по московским известиям, а по польским - была утоплена или задушена. Тот же летописец упоминает и о казни Федора Андронova.

Избавились от Заруцкого, успокоена была Астрахань, но козаков оставалось еще много внутри государства, почти не было ни одной области, которая бы не страдала от их опустошений. Об их опустошениях летописец говорит, что и в древние времена таких мук не бывало; воеводы доносили: "Там и там стояли козаки, пошли туда-то, села и деревни разорили и повоевали до основания, крестьян жженных видели мы больше семидесяти человек, да мертвых больше сорока человек, мужиков и женок, которые померли от мученья и пыток, кроме замерзших". Особенно отличался между козаками атаман Баловень. 1 сентября 1614 года, в тогдашний Новый год, государь говорил на соборе с духовенством, боярами, думными и всех чинов всякими людьми: "Пишут к нам из замосковных и из поморских городов, что пришли в уезды воры-козаки, многие люди, православных христиан побивают и жгут разными муками, денежных доходов и хлебных запасов собирать не дадут, собранную денежную казну в Москву от их воровства провезти нельзя. Дворяне и дети боярские бьют челом, чтоб им с ворами управиться самим: так на этих воров посылки ли послать, или писать к ним об обращении, чтоб от воровства отстали?" Приговорили: "Послать к ворами из (духовных) властей, бояр и всяких чинов людей и говорить ворами, чтоб они от воровства отстали". Для этого посланы были суздальский архиепископ Герасим с двумя еще духовными лицами, боярин князь Борис Михайлович Лыков и дьяк Ильин с выборными из дворян, гостей, из торговых людей и козаков. Они должны были ехать в Ярославль и оттуда повестить козакам: которые из них хотят стоять за имя божие, государю служить и прямить, тем от воров, которые хотят воровать, отобратся, списки имен своих прислать к государю и идти на службу. Которые государю служить не станут, станут вперед государю изменять, церкви божии разорять, образа обдирать, православных христиан грабить, жечь, ломать, на таких всяким государевым людям, атаманам и козакам, стоять заодно и над ними промышлять, потому что они пуще и грубнее литвы и немцев, и козаками этих воров не называть, чтоб прямым атаманам, которые служат, бесчестья не было. Если козаки станут договариваться с князем Лыковым, а без заклада к нему не поедут, то ему давать заклады, смотря по их людям, и уговаривать их всякими обычаями, чтоб их от воровства отвести и выслать на государеву службу, обещать им жалованье, должным и крепостным людям - свободу. Которые атаманы и козаки станут приезжать в Ярославль к князю Лыкову для сговоров и всяких государевых дел, тех поить и кормить. Которые атаманы и козаки от воровства отстанут и пойдут на государеву службу, тем велеть кормы давать, собирая с посадов и уездов, как можно сытым быть, а лишнего брать и насилья делать не велеть. Которые атаманы и козаки от воровства не отстанут, на службу не пойдут, уговор их не возьмет, на таких князю Лыкову собираться с городами, с дворянами и детьми боярскими, собирать также охочих всяких людей и даточных и над ворами промышлять всякими обычаями.

Лыков дал знать государю, что он к козакам писал и уговаривать посылал много раз, но воры от воровства не отстают и унять их никак нельзя, стали воровать пуще прежнего; которые козаки хотят отстать от воровства, тем от воров уйти нельзя, потому что воры умножились. Государь в ответ приказал Лыкову промышлять над козаками. После этого Лыков писал, что он на козаков ходил и посылки посылал и воров во многих местах побивали. Тогда козаки прислали объявить Лыкову, что они от воровства отстали и пошли на государеву службу к Тихвину против шведов, и государь бы их пожаловал, велел к ним прислать воевод из Москвы, с кем им ходить и промышлять над немецкими людьми. Из Москвы отправилось к ним двое воевод - князь Никита Волконский да Чемесов; но скоро эти воеводы дали знать государю, что когда они пришли на Тихвину и хотели посмотреть козаков по спискам, то козаки на смотр не пошли, ездят себе по селам, деревням и дорогам, грабят, бьют, села и деревни жгут, крестьян ломают, воровство от них чинится пуще прежнего, приходят и на них, воевод, с великим шумом, с угрозами, хотят грабить и побить. А после того прибежали с Тихвины в Москву козаки, которые государю прямил, и в расспросе боярам сказали: которые козаки отстали от воровства, начали служить государю, стали было от воров отбираться и пришли к воеводам, князю Волконскому и Чемесову, на тех пришли козаки воры, перехватили и переграбили их, также и самих воевод царских, многих добрых атаманов и козаков побили до смерти и теперь идут по городам войною. Прискакал гонец и от воеводы с Устюжны: пришли к его городу козаки многие, говорят, что идут к Москве, а неведомо, для какого умышления. По этим вестям царь отписал в Ярославль к князю Лыкову и в Кашин к воеводе Бояшеву, чтобы по всем дорогам посылали подъезды проведывать про козаков, куда ждать их похода? И если воры пойдут прямо под Москву, то Лыков и Бояшев должны идти за ними также к Москве.

Козаки действительно явились под Москвою и стали по Троицкой дороге в селе Ростокине, приславши к государю бить челом, что хотят ему служить, воровать вперед не станут и на службу идти готовы. Государь послал в Ростокино дворян и дьяков переписать и разобрать козаков, сколько их пришло. Козаки к смотру не шли долго и едва дали себя переписывать, говоря, что они, атаман, знают сами, сколько у кого в станице козаков. Они ставили по дорогам от Ростокина к Москве и по Троицкой дороге сторожи днем и ночью, посылали по всем дорогам подъезды и станицы, все проведывали про князя Лыкова с товарищи, а между тем прислали другое челобитье к государю, чтоб велел им дать торг, иначе они станут воевать и в загоны посылать: по государеву указу из Москвы к ним с торгом посылали, только бы в загон не ездили. Государь велел также перевести их из Ростокина к Донскому монастырю: отсюда они начали приезжать в Москву ратным обычаем и говорить, что будут московских людей грабить, а другие говорили: только их государь не пожалует, и они пойдут к Лисовскому в Северскую страну. Тогда послали к Лыкову и Бояшеву приказ, чтоб они тотчас же со всеми людьми шли под Москву проселочными дорогами, тайком и, пришедши под Москву, стали бы также, утаясь, где пригоже. Лыков и Бояшев наконец пришли, и государь велел взять из козацкого табору в Москву атаманов, есаулов и козаков, расспросить и сыскать: били челом бояре и дворяне и дети боярские, что они, козаки, поместья и вотчины их разорили; да били челом воеводы, князь Волконский и Чемесов, что козаки их били и грабили. Козаки были взяты к допросу, и в то же время из Москвы к Симонову монастырю двинулся окольный Артемий Измайлов, велено ему было стать против козацких таборов и послать сказать козакам, чтоб они не смели выходить из них никуда и стояли бы безо всякого опасенья, потому что он, Измайлов, прислан их оберегать; если же они станут подниматься со станов, то Измайлову и Лыкову велено идти на них, чтоб их под Москву не пустить. Но как скоро Измайлов пришел к Симонову

монастырю и стал против козачьих таборов, то воры бросились бежать из-под Москвы Серпуховскою и другими дорогами; Измайлов и Лыков двинулись за ними, по дороге несколько раз побивали их отряды и настигли главную толпу в Малоярославском уезде на реке Луже. Здесь козаки были побиты наголову, а остальные, видя над собою от государевых людей тесноту, добились челом и крест целовали. Всех этих козаков по государеву указу Лыков и Измайлов привели в Москву в числе 3256 человек, их всех простили и отослали на службу, только Баловня повесили да некоторых других атаманов разослали по тюрьмам. Но этим государство еще не успокоилось от козаков: в 1616 году государь получил вести из Владимира, Суздаля, Мурома, Балахны и Нижнего, что собрались воры, боярские холопы и всякие безыменные люди и называются козаками, пришли в Суздальский и Владимирский уезды, в Шую и другие места; по селам, деревням и дорогам дворян, детей боярских и всяких людей побивают до смерти, села и деревни жгут, крестьян пытаются, доведываясь, где их пожитки, и хотят идти по городам. Государь приказал промышлять над ворами князю Димитрию Петровичу Лопате-Пожарскому и костромскому воеводе Ушакову. Как они исполнили поручение, неизвестно. В том же году дали знать государю из Казани и других понизовых городов, что татары и черемисы заворовали, государю изменили, села и деревни жгут, людей в полон берут и побивают, к городам приступают, дороги от Казани к Нижнему отняли. Против них отправлены были боярин князь Сулешов и стольник князь Львов.

Кроме козаков, татар и черемис, надобно было разделяться с литовскими людьми, с Лисовским и козаками малороссийскими или черкасами. Тотчас по избрании Михаила в Москве начали думать, как бы прекратить войну литовскую и, главное, высвободить из плена отца государева. 10 марта 1613 года собор уже отправил дворянина Дениса Аладьина к королю с грамотою, в которой, прописав все неправды Сигизмунда, требовал размена пленных. Струсь от лица всех своих собратий писал также к королю, умоляя его прислать Филарета с товарищами и тем освободить своих подданных из неволи московской. В наказе Аладьину говорилось: "Скажут: нам подлинно известно, что польских и литовских людей, разосланных по городам после кремлевского взятия, всех мужики побили" - отвечать: "Сосланы были польские и литовские люди с Москвы в города для береженья: к Соли-Галицкой, да в Галич, да на Чухлому, да на Унжу, и пришли к тем городам изгоном воры, ваши же черкасы, и тех польских и литовских людей немногих побили ваши же черкасишки, а по другим городам все целы". Хотели скрыть от поляков об избрании Михаила, чтобы тем легче высвободить Филарета, и потому Аладьину было наказано: "Если скажут, что в Москве выбрали в цари Михаила Федоровича Романова, то отвечать: "Это вам кто-то сказал неправду; в Москву всяких чинов люди съехались и о государском избрании советуются, но поджидают из дальних областей советных же людей". Станут говорить про изменников, про Федьку Андронова с товарищами, за что их пытали, ведь они за правду стояли, то отвечать: "Михалка Салтыков да Федька Андронов с товарищами первые изменники и всякому злу начальники: из-под Смоленска на Московское государство королевскую рать подняли и вместе с польскими и литовскими людьми придумали Москву разорить, царскую многую неисчетную казну, собрание прежних великих государей, к королю отослали, а иную ратным людям раздавали; и они, злодеи, не только пыток, но и всяких злых смертей достойны". Аладьину наказано было в задор ничего не говорить; посол должен был править королю челобитье от освященного собора, от бояр, окольных и проч., от всяких чинов людей всего великого Российского царствия. Если паны скажут, что русские Владиславу изменники, то отвечать изложением неправд королевских и между прочим сказать: "Царские утвари и царские шапки, и коруны, и всякое царское достояние, и чудотворные образа

Михайла Салтыков да Федька Андронов к вам отослали". Если будут при короле или при панах во время посольства московские изменники - Михайла Салтыков, Иван Грамотин, Василий Янов - или иной кто, то Аладьину жаловаться на это, говорить, что прежде так не бывало. Если же эти изменники станут какие непригожие речи на задор говорить, то Аладьину говорить при панах вслух бесстрашно, что те, Михайла с товарищами, первые всякому злу начальники и Московскому государству разорители и им было теперь надобно попомнить бога и свою христианскую природу, от таких своих дел перестать, а только не перестанут, и им вскоре от бога отмщенье будет.

Аладьин мог уверить собор, что скоро нельзя ждать от короля сильных движений на Москву: один поляк говорил ему на дороге: "Видел ты сам, как здесь жолныри (солдаты) пустошат королевские города и места и много городов и мест запустошат до тех пор, пока им дадут жалованье". В Вильне бурмистр говорил Аладьину: "Здесь у нас стоят жолныри, и житья нам от них нет, насильство чинят великое, кормы берут большие и правят деньги, женам и детям нашим чинят тесноту и насильство, лучше бы нам от них земля расступилась!" Таким образом, безурядица в Польше давала Московскому государству возможность оправляться от своего безнарядья. В июне 1613 года Аладьин возвратился и привез ответ от панов, которые, разумеется, оправдывали во всем Сигизмунда и складывали всю вину на Москву; относительно Владислава писали: "Нам хорошо известно, что еще при князе Димитрии Ивановиче, которого вы зовете Гришкою Отрепьевым, князь Василий Иванович Шуйский с братьями и со многими боярами чрез некоторых польских, литовских и московских людей говорили и били челом королю, чтоб пожаловал, от расстриги Гришки Отрепьева их самих и государство Московское очистил, а на государство Московское дал сына своего Владислава Жигимонтовича".

В заключение паны пишут, что они и вместе с ними император немецкий Матвей склоняют Сигизмунда к миру с Москвою; паны требуют от думы, чтоб она прекратила все неприятельские действия против поляков до приезда императорских послов, при посредстве которых приступлено будет к мирным соглашениям. О короле паны пишут, что он не мог сам отвечать на грамоту собора, потому что она наполнена словами укорительными, несправедливыми, гордыми и срамными.

Между тем неприятельские действия продолжались: в марте 1613 года собор двинул войска против литовских людей, которые пришли войною в белевские, мещовские, калужские и козельские места и большими людьми стали на Брыне; в апреле бояре отправили воевод в Северскую землю, где дела шли удачно для русских людей, но из-под Козельска приходили дурные вести: князя Андрей Хованский и Семен Гагарин стояли от Козельска за 16 верст, а князь Иван Хворостинин стал от них за шесть верст; Хованский посылал ему говорить, чтоб он подошел поближе и вместе с ними промышлял над литовскими людьми, но Хворостинин не послушался и пошел назад во Мценск со всею ратью. Была между Хованским и Хворостининым рознь великая, и государеву делу в их розни прибыли не было. К тому же обговорен был еще воевода, Артемий Измайлов, будто ссылается с литовскими людьми. Царь велел и Хованского и Хворостинина переменить, а об Измайлове сыскать крепкими сысками, но, как видно, ничего не сыскали. В июле пришли вести еще хуже: черкасы и литовские люди взяли Серпейск, Мещовск, Козельск, Болхов, Лихвин, Перемышль, в Белеве овладели острогом, а в городе отсиделись от них воевода князь Семен Гагарин. Измайлов писал из Калуги, что черкасы приходили уже под этот город, думает, что придут еще; из Можайска писал Нащокин, что неприятель хочет придти к его городу. Государь говорил на соборе с духовенством и боярами, как

ему над литовскими людьми и черкасами промышлять, и приговорил идти на них стольникам - князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и Михайле Матвейчу Бутурлину. Когда эти воеводы пришли под Калугу, то литовские люди и черкасы, послышав их приход, ушли из серпейских и мешковских мест к Вязьме и Дорогобужу. Воеводы пошли за ними, заняли покинутые литовцами Вязьму и Дорогобуж и подступили под Белую. Литовцы сделали было из нее сильную вылазку, но были побиты и в августе принуждены были сдаться. Царь наградил воевод золотыми и велел им идти под Смоленск. Воеводы отправились осаждать Смоленск, стали в двух верстах от него, но ничего не могли сделать по недостатку войска: украинские дворяне и дети боярские многие под Смоленск не бывали, а иные из-под Смоленска сбежали. Черкасский и товарищ его, князь Троекуров (потому что Бутурлин был тяжело ранен под Белою), стояли под Смоленском без всякого действия до июня 1615 года, когда им на смену были отправлены туда воеводы, боярин князь Иван Андреевич Хованский и Мирон Вельяминов. Когда Черкасский приехал в Москву, то государь велел ему быть у своего стола, а после стола пожаловал за службу шубу на соболях, атлас золотный да кубок.

В то же время пришли вести, что Лисовский усиливается в Северской стране, литовцы теснят Брянск, захватили Корачев. Против Лисовского отправлены были воеводы: боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский и Степан Исленьев. Зная образ ведения войны лисовчиков, воеводам дали наказ в походе и на станах соблюдать величайшую осторожность: "Распрося про дорогу накрепко, послать наперед себя дворян, велеть им на станах, где им ставиться, места разъездить и рассмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолобы; а как надолобы около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с великим береженьем, посылать подъезды и проводывать про литовских людей, чтоб они безвестно не пришли и дурна какова не учинили". Из Белева через Болхов шел Пожарский на Лисовского; тот испугался осады в Корачеве, выжег город и пустился верхнею дорогою к Орлу. Князь Дмитрий, узнав об этом, быстро пошел также к Орлу; в один день и в одно утро столкнулись они на одном месте: Иван Пушкин, шедший впереди, начал бой; русские не устояли против Лисовского, воевода Исленьев обратился в бегство, но не тронулся Пожарский с 600 человек и долго отбивался от 3000 лисовчиков, обгородился телегами и сел в обозе. Лисовский не догадывался, что у Пожарского так мало людей, и потому не смел напасть на него, а раскинул стан в двух верстах; Пожарский не хотел покинуть своего стана. "Все нам помереть на этом месте", - отвечал он своим ратным людям, которые уговаривали его отступить к Болхову. Вечером возвратился назад беглый воевода Исленьев, ночью стали съезжаться и другие беглецы; на другой день, видя около себя сильную рать, Пожарский начал наступательное движение на Лисовского; тот быстро снялся с места и стал под Кромами; видя, что преследование не прекращается, в одни сутки прошел 150 верст и явился перед Болховом; отбитый отсюда воеводою Волынским, сжег Белев; потом приступил было к Лихвину, но потерпел здесь неудачу и стал в Перемышле, откуда воевода со всеми ратными людьми выбежал в Калугу. Пожарский остановился в Лихвине; здесь, подкрепив себя казанскою ратью, погнался опять за Лисовским; тот начал по-прежнему отступать, выжег Перемышль и пустился наспех между Вязьмою и Можайском; Пожарский отрядил против него воевод, но сам, истомленный невероятно быстрою погонею за самым неутомимым из наездников, слег от тяжелой болезни и отвезен был в Калугу. С удалением Пожарского преследования кончились: ратные люди не пошли за Лисовским, потому что казанцы побежали в Казань. Лисовский мог свободно броситься под Ржев Володимиров, в котором едва отсиделся от него боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Отступив от Ржева, Лисовский был под

Кашином и под Угличем, где также едва от него отсиделись. После этого Лисовский уже не приступал более к городам, но пробирался, как тень, между ними, опустошая все на пути: прокрался между Ярославлем и Костромою к суздальским местам, потом между Владимиром и Муромом, между Коломною и Переяславлем Рязанским, между Тулою и Серпуховом до Алексина. Несколько воевод было отпущено в погоню за Лисовским, но они бесплодно кружили из одного места в другое; только в Алексинском уезде сошелся с ним раз князь Куракин, но не мог причинить ему большого вреда и перехватить путь в Литву, куда явился наконец Лисовский после своего изумительного в военных летописях круга и надолго памятного в Московском государстве. С тою же чудесною быстротою действовали на отдаленном севере козаки малороссийские: такой войны, говорит летописец, от начала мира не бывало; не понимали русские люди, куда и как пробирались черкасы. Из Вологодского уезда пошли они в поморские города, воевали Вагу и тотемские места и устюжские, потом пошли в Двинскую землю к морю, шли местами непроходимыми, бог знает, где они не были, и вышли в Новгородском уезде к Сумскому острогу. Нигде не могли остановить их: только в Заонежских погостах побили их много, а олончане добились и последних; воевали они Московскую землю все проходом, говорит летописец, под городами и по волостям нигде не стояли, земли много запустошили, но и сами все пропали же.

Во время этих военных действий в разных местах шли продолжительные, хотя и бесплодные, переговоры о мире. В ноябре 1614 года паны-рада прислали московским боярам грамоту, в которой упрекали их в измене Владиславу и в том, что сперва бояре сами хотели отдать свое дело с Польшею на решение императора, а потом с гордостью отвергли это посредничество, продолжают войну и держат польских пленников в тяжком заключении; несмотря на то, они, паны, снова предлагают завести мирные переговоры на рубеже. Бояре отвечали, что им и принять панский лист было непригоже, не только что по нему какие государские дела делать, потому что писано в нем не по прежнему обычаю, великого государя имени не описано, и во всем писано высоко, не по прежнему обычаю. Несмотря, однако, на то, по миролюбию своему бояре решились принять грамоту от панов и отвечать на нее. Они оправдываются во всем, что взвели на них паны. "Богу известно, потом и окрестным всем государям христианским и мусульманским, что мы во всем том, что вы на нас пишете, невинны. Те все неправды учинились от государя вашего и с вашей стороны, а наши души от того чисты; вам, братье нашей, панам-раде, ныне и вперед и поминать непригоже, что быть государя вашего сыну, Владиславу королевичу, на Московском государстве: то дело уже бывшее". Касательно сношений с императором о посредничестве бояре отвечают, что, когда еще второе ополчение стояло под Москвою, тогда воеводы его послали немецкого переводчика Еремея Еремеева к императору с просьбою, чтоб он уговорил Сигизмунда отстать от неправд, "а о том мы к цесарскому величеству не посылали и не приказывали, чтоб цесарское величество нас с государем вашим взял на свой суд: нечего нам с государем вашим судиться! Всемогущему богу и цесарскому величеству, и всем окрестным государям неправды королевы перед великими российскими государствами ведомы". Бояре пишут, что император прислал переводчика назад с обещанием писать Сигизмунду: что царь Михаил тотчас по вступлении на престол отправил к императору послов, которые уже исполнили свое посольство: после этого боярам показалось странно, что в пределах польских явился императорский гонец Сингель, присланный не к царю, а к боярам. Боярам не следовало бы и входить с Сингелем в какие-либо сношения; но уже государь в уважение прежней крепкой любви царей московских с императорами велел боярам принять Сингеля; сделаны были поэтому нужные распоряжения, но немецкий гонец

и посол польский почему-то не явились к боярам, равно как польское правительство до сих пор не присылает опасного листа для посла царского к Сигизмунду. Потом бояре отвечают на упреки в дурном обхождении с пленными. "У вас, - пишут они, - наши не пленники, но послы, митрополит Филарет и князь Голицын, разлучены, по разным местам сидят в темницах; а у нас пленники ваши, Струсь с товарищами, живут в Москве, дворы им даны добрые, пищу и питье получают достаточно, людям их вольно всюду ходить по делам господским, скудости и тесноты нет никакой". Бояре заключают грамоту извещением, что государь позволил им отправить *своих послов* на рубеж, на съезд с польскими послами. Любопытно взглянуть на боярские подписи на грамоте: сначала видим имена старых бояр, князя Мстиславского, И. В. Голицына, И. Н. Романова, Шереметева, Куракина и других; на десятом месте подпись князя Д. Т. Трубецкого, на одиннадцатом - князя Д. М. Пожарского, на девятнадцатом - Минина, в дьяках подписался Сыдавный Васильев.

С этою грамотою отправлен был Желябужский, который получил такой наказ: станут говорить, что Московского государства всяких чинов люди целовали крест королевичу Владиславу, то отвечать: "Московского государства всяких чинов люди перед великим государем вашим Жигимонтом королем и перед сыном его во всем том невинны. Вся неправда и невинное христианское кроворазлитие учинились со стороны великого государя вашего, а всего Московского государства людей души от того чисты. И вам за неправду государя вашего ныне и вперед поминать непригоже, что государя вашего сыну, Владиславу королевичу, быть на Московском государстве, и послов о том посылать незачем, то уже дело бывшее и давно о том государю вашему и вам от всего Московского государства отказано накрепко". О Заруцком Желябужский должен был говорить: "Вора Ивашку Заруцкого и воруху Маринку с сыном для обличенья их воровства привезли в Москву. Ивашка за свои злые дела и Маринкин сын казнены, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своей воле умерла, а государю и боярам для обличенья ваших неправд надобно было, чтоб она жила. И теперь отчина царского величества от воровской смуты очистилась и воровская смута вся поминалась".

Желябужский должен был видеться с Филаретом, ударить ему челом от сына и говорить: "Великий государь, сын ваш, вас, великого государя, велел о здоровье спросить, а про свое здоровье велел сказать: вашими отеческими святительскими и государыни моей матери великой старицы иноки Марфы Ивановны многоусердными к богу молитвами на наших великих и преславных государствах здравствуем, только оскорбляемся тем, что ваших отеческих святительских очей не сподобляемся видеть; молим милосердного бога и радеем, и промышляем, и хотим того, чтоб милосердый бог вашу святыню из такой тягости высвободил". Грамота царская к отцу начиналась так: "Великого и всещедрого в троице славимого бога нашего, иже достойному святительским и богоукрашенным саном почитаему и украшаему, и нашему христианскому роду истинному учителю, и непорочно ходатайственнoлюбным тщанием ко господу о нас прилежно молителю, и наказателю словесных христовых овец и выну о овцах, паче же заблудших, попремногу многовзыскательному тщателю, и разрешителю неодуменным, еже есть духовным сплетением, поборнику и страдателю за святыя благосиятельные христианские наши церкви и крепкому столпу в православии, и еже о Христе любезное на земле житие чающе небесного рая жителю, старейшему и превысочайшему священноначалием отцу отцем, великому государю моему преосвященному митрополиту Филарету Никитичу, божиею милостию и его крепкою непобедимою десницею, содержай скипетр великого Российского царствия, в месть врагам, в похвалу добродетелям, сын твоего изрядносиятельного отечества

Михаил, божиею милостию царь и великий князь, всея Руси самодержец, главу свою усердно до земли преклоняет, касаяся твоим святительским честным стопам и со слезами у вас, великого государя, моего отца, прося еже за ны святительских ваших молитв и благословения". Желябужский должен был также править челобитье Филарету от иноки Марфы Ивановны, потом от духовных властей, бояр и всей Думы. Князя Василья Васильевича Голицына и товарищей его Желябужский должен был о здоровье спросить и говорить им речь: "Служба ваша, раденье и терпенье ведомы, и о том мы, великий государь, радеем и промышляем, чтоб вас из такой тяжкой скорби высвободить". Потом Желябужский должен был править им челобитье от властей и бояр; такую же речь от царя должен был сказать и Шеину, если с ним увидится. Бывшего царя, Василья Ивановича Шуйского, и брата его, Дмитрия, уже не было в живых; относительно же брата их, князя Ивана Ивановича, послу ничего не было наказано. Филарету *наедине* (если это только возможно) Желябужский должен был объявить, что в Москве делается все доброе, все великие государи присылают с дарами и с поминками великими, прося царской к себе любви и дружбы.

В Варшаве паны приняли Желябужского по обычаю, спросили о здоровье бояр; Желябужский отвечал, что бояре при *великом государе*, дал бог, все в добром здоровье. Когда он сказал: *при великом государе*, то из всех сенаторов отозвался невежливо один Лев Сапега: "Еще-де то у вас не пошлый (настоящий) государь!" Филарет жил в доме Льва Сапеги, который был его приставом; Желябужскому позволено было здесь с ним видеться. Принявши государеву грамоту, Филарет спросил: "Как бог милует сына моего?" Желябужский отвечал, что следует. После этого Филарет начал говорить послу и товарищам его: "Не гораздо вы сделали, послали меня от всего Московского Российского государства с наказом к Жигимонту королю просить сына его Владислава королевича на Московское государство государем; я и до сих пор делаю во всем вправду, а после меня обрали на Московское государство государем сына моего, Михаила Федоровича; и вы в том передо мною неправы; если уже вы хотели выбирать на Московское государство государя, то можно было и кроме моего сына, а вы это теперь сделали без моего ведома". Посол отвечал: "Царственное дело ни за чем не останавливается: хотя бы и ты, великий господин, был, то и тебе было переменить того нельзя, сделалось то волею божиею, а не хотеньем сына твоего". Филарет сказал на это: "То вы подлинно говорите, что сын мой учинился у вас государем не по своему хотенью, изволением божием да вашим принуждением", - и, обратясь к Сапеге, прибавил: "Как было то сделать сыну моему? остался сын мой после меня молод, всего шестнадцати лет, и бессемеен, только нас осталось - я здесь, да брат мой на Москве один, Иван Никитич". Сапега отвечал ему грубо, срывая сердце: "Посадили сына твоего на Московское государство государем одни козаки донцы". На это возразил Желябужский: "Что ты, пан канцлер, такое слово говоришь! То сделалось волею и хотеньем бога нашего, бог послал духа своего святого в сердца всех людей". Сапега замолчал. Желябужский стал править челобитья, и Филарет, прочтя грамоты, отдал их Сапеге. О князе Голицыне Сапега сказал, что он остался в Мариенбурге, Шеин с женою и дочерью - в его, Сапегиной, вотчине в Слонимском повете, а сын - в Варшаве; Филарет заметил при этом: "Я не знаю, жив ли или нет боярин князь Василий Васильевич Голицын, потому что мы с ним давно расстались".

Кроме Сапеги тут был еще другой пристав, пан Олешинский. Филарет, обратясь к ним обоим, сказал: "Нас царь Борис всех извел: меня велел постричь, трех братьев уморил, велел задавить, только теперь остался у меня один брат Иван Никитич". Олешинский спросил у Сапеги: "Для чего царь Борис над ними это сделал?" Сапега

отвечал: "Для того царь Борис велел над ними это сделать, блюдаясь от них, чтоб из них которого брата не посадили на Московское государство государем, потому что они люди великие и близки к царю Федору". Пан Олешинский опять начал говорить, обращаясь к послу: "На весну пойдет к Москве королевич Владислав, а с ним мы все пойдем Посполитою Речью, Владислав королевич учинит вашего митрополита патриархом, а сына его - боярином". Филарет сказал на это: "Я в патриархи не хочу"; а Желябужский сказал: "Ты, пан, говоришь слово похвальное (хвастливое), а мы надеемся на милость божию да на великого государя Михаила Федоровича, на его государское счастье, дородство и храбрость, и на премудрый разум надежны: ныне во всех его государствах мир, покой и тишина, все люди ему, великому государю, служат и радеют единомудушно, и будем стоять против Владислава, вашего королевича, и против всех вас. И прежде король ваш с королевичем и с вами со всеми приходил доступать государства Московского и пришел под Волок Ламский, а Волок в великом государстве Московском как бы деревенька малая: и тут короля вашего людей побили, и отошел король ваш из-под Волока с невеликими людьми". Олешинский на это не сказал ничего, а спросил Желябужского: "Помнишь ли ты меня, как я был на Москве?" - "Помню, - отвечал Желябужский, - как ты при царе Василье был на Москве и на отпуске в палате крест целовал о перемирных летах, чтоб лиха над Московским государством ничего не делать". Олешинский замолчал. Тут вошла жена Струся и начала просить Филарета написать к царю Михаилу, чтоб мужа ее жаловал. Филарет обещал, а Желябужский сказал ей: "Великий государь наш милосерд и праведен, не только мужа твоего жаловал, муж твой человек имянной, но, которые и хуже твоего мужа, и тех всех жалует". На это Лев Сапега сказал: "Что вы говорите, что государь ваш милостив и на кровь христианскую не посягает! Видим мы и то, что государь ваш посылал к турецкому царю закупать, чтобы царь турецкий стоял с ним заодно на Польское и Литовское государство, а грамоты те государя вашего теперь у нас". Желябужский отвечал, что ничего об этом не знает. Этим свидание кончилось. На отпуске у панов-рады Лев Сапега опять говорил невежливо: "Еще-де то у вас не пошлый государь; два у вас государя: один у вас на Москве, а другой здесь, Владислав королевич, ему вы все крест целовали". Желябужский отвечал по наказу, что это дело бывшее и дальнее и поминать о том непригоже. Он требовал, чтобы в ответной грамоте было описано имя царя Михаила как следует; Сапега отвечал: "Теперь мы, паны-рада, вас отпускаем с добрым делом от кого вы пришли к братье своей боярам, а государева титула писать нельзя, о том будут большие послы с обеих сторон и обо всех великих делах будут говорить и судиться пред богом, и как постановят великое доброе дело, тогда станут государево имя и титул писать". Желябужский проведал, что все литовские сенаторы хотят мира с Москвою, кроме Льва Сапеги, который один короля манит; а большой посягатель на веру христианскую сам король да сенаторы польские, а всех пуще канцлер пан Крицкий да маршалок литовский, пан Дростальский. На сейме король будет просить побору, чтоб идти к Москве посполитым рушеньем; но в Литве приговорено, что побору отнюдь не дать и посполитым рушеньем с королевичем не хаживать, то уже дело минуло, королевичу к Москве идти не по что, стало нам самим до себя; действительно, на сейме литовские сенаторы не согласились на войну. На дороге, в имении Льва Сапеги, Желябужский виделся с Шеиным, который приказывал к государю и к боярам: "Как будет размена с литовскими людьми, то государь бы и бояре приказали послам накрепко, чтоб береглись обману от литовских людей; послам бы сходиться между Смоленском и Оршею на старом рубеже; у Литвы с Польшею рознь большая, а с турками мира нет; если государевы люди в сборе, то надобно непременно Литовскую землю воевать и тесноту чинить, теперь на них пора пришла", да приказывал, чтоб никак пленниками порознь не разменивались. Желябужский разузнал также, что король приказывал Филарету писать к сыну

грамоты, какие ему, королю, надобны, и Лев Сапега тоже приказывал, но митрополит за то стал и королю отказал, что отнюдь ему таких грамот не писывать; за то Желябужского и не пустили проститься с митрополитом. Сам пан Гридич, которого король и Сапега посылали к Филарету, говорил послам: "Как сведал Филарет, что сын его учинился государем, то стал на сына своего надежен, стал упрям и сердит, к себе не пустит и грамот не пишет".

Желябужский привез боярам грамоту, в которой паны предлагали съезд уполномоченных на границе между Смоленском и Вязьмою. В грамоте паны писали также: "Пока холопи вами владеть будут, а не от истинной крови великих государей происходящие, до тех пор гнев божий над собою чувствовать не перестанете, потому что государством как следует управлять и успокоить его они не могут. Из казны московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее растащили, потому что несправедливо и с кривою людскою была собрана". Несмотря на такие грубости, предложение было принято, и в сентябре 1615 года, по соборному решению, отправились к литовской границе великие уполномоченные послы, бояре - князя Иван Воротынский и Алексей Сицкий и окольный Артемий Измайлов; с польской стороны уполномоченными были: киевский бискуп князь Казимирский, гетман литовский Ян Ходкевич, канцлер Лев Сапега, староста велижский Александр Гонсевский; посредником был императорский посол Еразм Ганделиус. Переговоры должны были происходить между Смоленском и Острожками. Воротынский с товарищами должны были сначала изложить неправды короля, начиная с нарушения перемирия при царе Борисе приходом Лжедмитрия. Если паны скажут, что еще при воре князь Василий Иванович Шуйский с братьями и многими боярами бил челом королю, чтоб их от Расстриги оборонил и дал в цари сына своего, то князь Воротынский должен был отвечать: "Я, князь Иван Михайлович, в те поры был в своей братье в боярах честен, и любили меня мои братья все, а Шуйские были мне друзья и ни в чем от меня не скрывались. Вы это теперь говорите для того, что князя Василья Ивановича с братьею нет, и хотите на мертвых что-нибудь затеять; а мы того не дельвали и в разуме нашем того не бывало". Если паны скажут, что бояре наказывали об этом королю с Иваном Безобразовым да с Михайлою Толочановым, то отвечать: "Иван Безобразов и Михайла Толочанов Расстриге были из русских людей первые друзья и верники: как еще Расстрига пришел в Монастыревский, то Михайло Толочанов тогда уже учинился у него верником, за Михайлову измену царь Борис жену и детей его разослал по городам по тюрьмам; а Иван Безобразов по воре Федьке Андронове стал Расстриге близок на Москве, а как Расстригу убили, то он с Москвы сбежал и в Тушине у вора был, и с такими как было приказывать?" Если Александр Гонсевский скажет, что после Расстригина убийства он был у князя Дмитрия Шуйского и говорил, чтобы памятовали, о чем к королю приказывали, и князь Дмитрий не запирался, то отвечать: "Князя Дмитрия теперь нет, что захочешь, то на него и затеешь".

Воротынский должен был так жаловаться на поведение Гонсевского и поляков в Москве: "Немногие тогда наши братья бояре жили на своих дворах, многих бояр и боярских жен с дворов посослали, а стали жить польские и литовские люди, именем и запасами их завладели. Как гетман пошел под Смоленск, то после его ты, Александр Гонсевский, стал жить на царево Борисове дворе, а Михайла Салтыков, мимо своего дворишка, - на дворе Ивана Васильевича Годунова, а Федька Андронов - на дворе благовещенского протопопа, на котором никогда никто не ставал и не живал; меня, князя Ивана, да князя Андрея Голицына, да окольного князя Александра Засекина подавали за приставов; по воротам по всем поставили сторожей своих, решетки у улиц посломали, и московским никаким людям с саблею

не только при бедре, и купцам с продажными и плотникам с топорами ходить и ножей при бедре никому носить не велели, дров мелких на продажу и крестьянам привозить не давали; жен и дочерей брали на блуд и по вечерам побивали всяких людей, кто идет улицею из двора в двор, к заутрени не только мирским людям - и священникам ходить не давали. Федьке Андронову велел государь ваш быть казначеем и думным дворянином, Степану Соловецкому - в Нижегородской четверти думным дьяком, Ваське Юрьеву - у денежных сборов, Евдокиму Витовтову - в разряде думным первым дьяком, Ивану Грамотину - печатником, посольским и местным дьяком; в Большом приходе - князю Федору Мещерскому, в Пушкарском приказе - князю Юрию Хворостину, в Панском приказе - ведомому вору Михалке Молчанову, в Казанском дворце - Ивану Салтыкову; а ты, Александр Гонсевский, по королевской же грамоте учинился на имя боярином в Стрелецком приказе. Ты видел сам, какую беду мы, бояре, от своих советников, от худых людей, от Федьки Андронова с товарищами, терпели, никто нас так при прежних государях не бесчещивал, как тот детина, а ты его на все попускал; только бы не ты, то ему самому как было и помыслить, чтоб против нас говорить и нас бесчестить? Разоренье Московскому государству учинилось от государя вашего и от вас, мститель за то будет вам и женам вашим и детям бог, сами увидите; сам себя государя вашего сын от Московского государства отженул многими своими неправдами и кровопролитием. Как приходил с войском гетман, ты, Карлус Ходкевич, то ты, Александр Гонсевский, нам все говорил, чтоб нам быть под королевскою рукою, изменников, князя Юрия Трубецкого, Ивана Грамотина, Василья Янова, ты за этим к нам присылал".

Если скажут: "Бояре сами присылали к королю, что от вас на Москве смута, присылал вор к Москве попа Харитона с грамотами, а к вору присылка была же; бояре сами сыскивали, и по сыску дошло до него, князя Ивана Михайловича, до князей Андрея Голицына и Засекина, и за то их бояре сами велели беречь: и если в вас, больших людях, была измена, то королю как было сына своего на государство дать?" Если станут класть боярские грамоты, как о том писали, то отвечать: "На меня, князя Ивана, с товарищами затеяли вы и вора попа научили, а боярам, что вы велели, то они и делали. От вас большая смута и ссора, и кроворазлитие. Только бы тогда государь ваш положился на нас, природных бояр, а тебя, Александра, в уряд и изменников-воров в приказы не прислал, худых людей, то ничего бы худого и не было, было бы все хорошее. Видали мы и от прежних государей себе опалы, только во всем государстве справа (управление) всякая была на нас, а худыми людьми нас не бесчестили и чести нашей природной не отнимали; а как обрали мы на государство государя вашего сына, то он еще не бывал, а у нас у всех честь отнял: прислал тебя, велел тебе государственные и земские дела всякие ведать в таком великом государстве, а у государя своего ты и до сих пор в Раде не бывал; да с тобою прислал Московского государства изменников, самых худых людей, торговых мужиков, молодых детишек боярских, а подавал им окольниковство, казначейство, думное дьячество; уж и не было в худых никого, кто б от государя вашего думным не звался; кто даст Льву Сапеге пару соболей, тот - дьяк думный, а кто сорок, тот - боярин и окольниковый. Такой мы от государя вашего чести дожили, потому так и стало".

А если скажут: "Еще в бытность гетмана Жолкевского в Москве Василий Бутурлин посылан был от бояр в Рязань, там с Прокофьем Ляпуновым сговорился, и Ляпунов под столицу стал подступать, а Василий Бутурлин воротился назад в Москву, пехоту немецкую уговаривал королю изменить, сам на себя у пытки сказал", - отвечать: "Если Василий Бутурлин какое дурно и помыслил с молодости, то бояре сами велели

его пытаться, а Василий с пытки на себя никакого умышления не говорил, приезжал к нему Прокофья Ляпунова человек спрашивать о том, что на Москве делается. Ты, Александр Гонсевский, с советником своим с торговым детиною Федькою Андроновым, с казначеем государя своего, походили в казне государей наших, царские сокровища осмотрели, и тебя взяла зависть, что отроду такого богатства не видывал; писал ты об этом к государю своему да к приятелю своему Льву Сапеге, захотели вы царскую казну у себя видеть, и оттого все зло сделалось; и в летописец будем это для будущих родов писать".

Если станут говорить, что королю московской казны ничего не досталось, то отвечать: "Как вы, паны, не стыдитесь! Ты, Александр, с Федькою Андроновым лучшее выбирали и к королю отсылали, а иное ночью к тебе возили. Для прилики вы велели казну переписывать боярам, но у казны были ваши же советники; как бояре запечатают и придут опять в казну, а печатей боярских уже нет, печать Федьки Андронова. Федьке о том говаривано от нас, бояр, много раз, и он сказывал, что велел распечатать ты, Александр Гонсевский". Послы должны были показать панам список вещам, которые отосланы были к королю, и при этом сказать: "Это известно, да и немного здесь, а больше того и лучшие узорочья взяты из казны и посланы к королю тайно; а иное ты, Александр Гонсевский, себе брал и приятелям своим посылал". Если будут говорить, что король не хотел брать Москвы себе, а хотел послать сына, то уличить грамотами, писанными к князю Ивану Куракину, к Михайле Салтыкову и к Андронову. Если Гонсевский будет говорить, что он владел в Москве польскими людьми, до московского же управления ему и дела не было, а как он пойдет, бывало, вверх к боярам поговорить о каких-нибудь делах, то ему на дороге и на дворе у него русские люди подавали многие челобитные, и он все челобитные у них брал и приносил к боярам, и по этим челобитным делали и указывали все бояре, а подписывали челобитные их русские дьяки, грамоты к королю писали бояре же, а он этих грамот не переделывал, - отвечать: "Это точно так, пан Александр, было: к боярам ты ходил, челобитные приносил; только, пришедши, сядешь, а возле себя посадишь своих советников, Михайлу Салтыкова, князя Василья Мосальского, Федьку Андронова, Ивана Грамотина с товарищи, а нам и не слышать, что ты с своими советниками говоришь и приговариваешь, и что велишь по которой челобитной сделать, так и сделают, а подписывают челобитные твои ж советники, дьяки Иван Грамотин, Евдоким Витовтов, Иван Чичерин, да из торговых мужиков Степанка Соловецкий, а старых дьяков всех ты отогнал прочь. И то была нам всем боярам смерть, что к тому недостойный торговый детина Федька Андронов придет и сядет с нами, с Мстиславским и со мною, Воротынским, и с иными нашими братьями вместе и нам указывал, и мимо нас распоряжался: бог видит сердца наши: в то время мы все живы не были. А грамоты от бояр все писали по твоей воле, бояре у вас были все равно что в плену, приказывали руки прикладывать, и они прикладывали". Если паны скажут, что сами они, бояре, многую казну прежних государей продавали, сосуды серебряные переливали в деньги и давали польским и литовским людям, которые стояли в Москве для их сбереженья от вора, и станут класть об этом боярскую грамоту, которая послана с Иваном Безобразовым 19 января, - отвечать: "Бояре были в казне невольны, владели всею казною Андронов, а над ним Гонсевский, продавали казну и мягкую рухлядь и платье, приговаривали быть у продажи боярам и дьякам, а они лишь только сидели да смотрели". В заключение наказа говорится: "Выговаривать гладко, а не ожесточить, чтоб с ними жестокими словами не разорвать".

Но трудно было подобные вещи выговаривать гладко, и трудно было исполнить это князю Воротынскому, которого Гонсевский озлобил еще в Москве. Когда в ноябре

месяце открылись съезды и московские послы по наказу начали дело тем, что стали вычитать многие неправды Жигимонта короля, то литовские послы стали сердиться, кричать и браниться. "Нам за позор государя своего стоять и биться!" - кричали они. Посредник, цесарев посол, был тут, но в дело не вмешался, и этим первый съезд кончился. На втором съезде бискуп киевский говорил речь из бытий из хроник польских о клятвопреступлении при прежних израильских и римских царях, приводя к тому, что московские послы на первом съезде вычитали неправды королевские. Потом говорил речь по письму Ян Гридич про Расстригу, оправдывая государя своего короля, наконец говорил речь по письму Александр Гонсевский, вычитая неправды государя Бориса и государя Василья, сношения их с иностранными государствами на короля. Между прочим Гонсевский читал: "Давно, еще при Дмитрии, которого вы называете Гришкою Расстригою, боярин князь Василий Иванович Шуйский с братьею и другие многие московские бояре, знатные люди, некоторым панам-радам тайно объявляли свою мысль, что хотят видеть господарем своим королевича Владислава. Потом князь Василий Голицын, забывши свое крестное целование королевичу, желал себе господарства Московского, как скоро выехал из Москвы под Смоленск, то с дороги сослазся с вором калужскими промышлял, чтоб ему с своими советниками сделать на Москве господарем вора калужского, а потом убить, точно так же как прежнего Дмитрия Расстригу убили, и сделаться самому господарем, как прежде Шуйский сделался. Я, Александр Гонсевский, оставшись в гетманском месте с войском, не был боярином и никаким урядником московским, в дела земские московские не вмешивался, а будучи только наместником гетманским, правил войском и ратников своих за самые малые вины строго и сурово наказывал, по артикулам гетманским. Помните, как вскорости по отъезде гетманском войсковою товарищ Тарновецкий, пивши вместе с попом, побранились, и он ударил попа рукою по лицу до крови. Я присудил его к смертной казни; но патриарх и бояре присылали ко мне, а князь Мстиславский с другими многими боярами и с тем самым попом приходил ко мне на подворье и просил, чтоб я Тарновецкого выпустил из тюрьмы и не велел казнить: уважая патриарха и бояр, я должен был это сделать, но чтоб вперед другим своевольникам неповадно было воровать и людей московских, простых и нерассудительных, от господаря отводить, велел у Тарновецкого отсечь правую руку, что и было исполнено в Китае-городе, против Фроловских ворот, перед всем миром; бояре и все русские люди этому дивились, и сам патриарх после мне выговаривал, что за такую малую вину непригоже было так люто казнить. Потом гайдуки наши побранились, наделали шуму подле церкви, где служил патриарх: я осудил их на смертную казнь; в ту же ночь два пахолика в Китае-городе яблоки и орехи продажные разграбили, я и тех велел казнить смертью, но патриарх, зазавши меня к себе, не выпустил до тех пор, пока я не приказал всех этих людей освободить от смертной казни, которую заменил кнутом. Немцев за церковный грабеж я велел казнить смертью и так их настрашал этим, что после они и слова дурного не смели сказать русскому человеку. Вспомните и то, как поляк арианской веры в пьяном виде выстрелил в образ владимирской богородицы у Никольских ворот: я велел ему руки и ноги отсечь, самого живого огнем сжечь, а руки отсеченные велел под образом гвоздями прибить. Не только в столице, но и на стороне никакая вина без наказания не проходила; живой тому свидетель князь Борис Михайлович Лыков: я осудил на смерть ротмистра, который пограбил его деревни, и сам князь Борис едва его от смертной казни отпросил. А в меньших делах поставлены были суд и управу чинить между литовскими и московскими людьми князь Григорий Петрович Ромодановский, а от меня и от войска полковник Дуниковский да поручик Войтковский. Итак, с нашей стороны не было подано ни малейшего повода к неудовольствию и восстанию. А с вашей стороны какие неправды были, это мы докажем не голыми словами, а на письме. Во-

первых, когда гетман Жолкевский вошел в Москву, то стольник Василий Иванович Бутурлин, отпросившись у бояра на время в свое поместье, съезжался в Рязани с Прокофьем Ляпуновым, придумали они и на слове тайно между собою положили, как вновь смуту в Московском государстве завести, польских и литовских людей в Москве побить, против короля и королевича войною стоять. Ляпунов сам замышлял сделаться царем и говорил с своими советниками: "Ведь Борис Годунов, Василий Шуйский и Гришка Отрепьев не лучше меня были, а на государстве сидели".

Возвратясь в Москву, Бутурлин нас обманывал, клялся, что служит царю Владиславу, а сам, высматривая все в Москве, передавал Ляпунову в Рязань, немцев тайно подговаривал и на нас подкупал; посланец Ляпунова с грамотами смутными схвачен и в пытке на Бутурлина измену сказал и на кол посажен; а Бутурлина все бояре с дворянами, старостами и сотскими велели пытать, и он сам на себя сказал, что хотел с немцами и Ляпуновым ночью на нас ударить и побить.

Потом вскорости после гетманского отъезда лазутчики начали метать грамоты от вора калужского; одного из этих лазутчиков, попа, схватили, пытали при дворянах, гостях, старостах и сотских, и он сказал, что князь Василий Голицын, идучи под Смоленск, с дороги тайно к вору в Калугу писал, звал его на Московское государство, а князь Андрей Васильевич Голицын о том знал же; тот же поп сказал, что вор по ссылке со многими московскими людьми умышлял прийти ночью под Москву, побить нас, бояр, дворян больших родов и всяких людей московских, которые с ним в воровском совете не были, а жен, сестер и имение их отдать холопам-козакам, которые ему добра хотели. А Гермоген патриарх мне, Александру, ласку и любовь свою показывал, в подарок кушанья и питья присылывал, устами целовал, а в сердце гнев без причины на государя своего Владислава и на нас держал. Призвавши нас в город для собственной защиты, он тотчас начал заводить смуту и кровь; священникам в Москве приказывал, чтоб вас, сыновей своих духовных, против нас в гнев и ярость приводили: доказательство тому письмо вашего священника московского, который меня остерегал и описал прежние многие дела патриарха, как он в донских козаках и потом попом в Казани был; по этому письму поповскому найдены были в приказе Казанского дворца многие доводы на Гермогена, которые при прежних государях русские люди казанцы на него делали. Когда вор в Калуге умер, то патриарх тайно разослал по городам грамоты смутные; тогда же пойман в Москве на измене Федор Погожий и в расспросе рассказал весь злой завод и совет митрополита Филарета, как он, едучи из Москвы, на слове с патриархом положил, чтоб королевичу на Московском государстве не быть, патриарх взялся всех людей к тому приводить, чтоб посадить на царство сына его Михаила: а Филарет из-под Смоленска смутные грамоты в Ярославль и в иные города писал, будто король королевича на Московское государство дать не хочет. По таким заводам от патриарха и от Филарета люди ваши московские что над нашими людьми делали? Везде наших замая на посад, в Деревянный город и в иные тесные места или позвав на честь, давили и побивали, а пьяных извошки, приманя на сани, давили и в воду сажали. А торговые люди на торгу живность, рыбу и мясо продавали нашим вдесятеро дороже, да при этом еще слуг наших облают и опозорят. Когда Ляпунов с товарищами своими спешили к Москве, мы в воскресенье с боярами в палате советовались, а в Белом городе на Кулишках людишки черные без причины на людей наших ударили, до пятнадцати их ранили, саней девять с лошадьми взяли и разграбили, людей земских и посланцев боярских ругали и побить хотели; мы все это стерпели. В понедельник наряд по воротам расставляли; во вторник рано ротмистр Козаковский пушку к Водяным воротам в Китае вез, а я с полковниками и ротмистрами в Кремле обедню слушал; пан Зборовский то же в Китай-городе делал;

о задоре мы и не думали и кровопролития начинать не хотели. А в это время в Китае подле той пушки мужик москвич жердью ударил по голове пана Грушецкого, так что тот на землю мертвый пал; другие в колокола ударили; а за Живым мостом на многих местах новые знамена развернули. Я в пол-обедни в Китай-город побежал, и уже за Фроловскими воротами меня с конем моим догнали; вскочивши на лошадь, я начал кровь унимать и палашом несколько пахоликов ранил: но в это время москвичи и по мне самом начали стрелять из самопалов; тут войско наше рассердилось и пошло на прямой бой. Московские люди множеством нас перемогли; в ночь Плещеев с товарищами от Ляпунова с великим войском в Деревянный город по Коломенской дороге пришел и вместе со всеми изменниками над нами промышлять начал. На другой день в среду большие бояре все выехали в Белый город, хотели увещаниями кровь унять, но москвичи их не послушали и стали по ним стрелять. Тогда мы пошли на жестокий бой". Московские послы отвечали на все по наказу, причем против королевского имени не вставали и шапок не снимали. Этим кончился второй съезд.

Между тем московские послы виделись с Ганделиусом, который говорил с ними старым славянским языком без толмача. Он говорил: "Вы называете своего государя, а польские послы называют государем своего королевича, и у одного государства стало два государя; тут между вами огонь и вода: чем воду с огнем помирить?" Когда дворяне московского посольства проводывали у дворян австрийского, на чем поляки хотят мириться, то немцы отвечали: "Литва вам зло мыслит, мириться вам с нею вот чем" (указывая на самопал). Когда узнали обо всем этом в Москве, то послам отправили грамоту: "Вы бы цесареву послу сами ни о чем говорить не посылали и на съезде сами ничего не говорили, и ни в чем на него не ссылались и не полагались, в третьи его не призывали. А если станет сам говорить, то вы бы с ним говорили, во всем от него остерегаясь и ни в чем ему не веря". После этого Ганделиус прислал сказать Воротынскому, что хочет с ним видеться; послы приняли его у себя в остроге и улаживали с ним, как съезжаться с польскими послами опять. Но когда они дали знать об этом в Москву, то получили такую грамоту: "Мы тому подивились, какими обычаями вы так делаете? Сами вы к нам писали, что цесарев посол доброхотает королю, да и по всему, по приезду его и по листам, которые он писал к боярам и к вам, и по разговору, что он с вами говорил, явно, что он доброхотает королю; а вы его пустили в острог и все ему показали и писать ему велели. Ясно, что он писал не все о том только, как вам с польскими послами съезжаться, а писал, что высмотрел и приметил в остроге. И вы бы вперед цесарева посла в острог не пускали, о съезде его не задирали и ни о чем не задирали, к его словам говорили бы, смотря по делу, а не жестоко, гладко, чтоб его не ожесточить".

На третьем съезде Ян Гридич опять говорил речь по тетради мало не до самого вечера; вся речь писана много и пространно о преступлении крестного целованья, писано из польских и литовских хроник, приложено многими притчами и философскими науками, все говорилось в оправдание короля и панов во всем и приводилось на то, чтоб королевича взять на государство. Между прочим Гридич читал: "Часто вы говорите о Федоре Андронове, что человеку гостиной сотни непригоже было казенным урядником быть; но это случилось по утверждению ваших же больших людей, что и при прежних государях такие у таких дел бывали. Да и теперь у вас нелучше Андронova Кузьма Минин, мясник из Нижнего Новгорода, казначей и большой правитель, всеми вами владеет, и другие такие же многие по приказам у дел сидят". "И мы, - доносят послы, - тех их речей слушать не хотели, говорили против твоего государева наказа с бранью и с шумом, что того нам не слушать, да и им о том говорить непригоже, восхищая суд божий на себя: то дело

минушее. И литовские послы говорили с шумом: мы ваших речей у всех вас слушали порознь, а вы только не станете наших речей слушать, то нам съезжаться нечего; как выслушаете наши речи, тогда и будете говорить. Когда литовские послы стали с нами разъезжаться и давать нам свои речи на письме, то мы этих речей у них не взяли, потому что в них писаны многие непригожие слова про тебя, великого государя, все для того, чтоб привести королевича к Московскому государству. Стоявши с ними за твое государево имя накрепко и отказав им, что вперед от них о королевиче и слушать не хотим, разъехались". Государь отвечал послам: "Вы то сделали хорошо, что за наше царское имя стояли и письменных у них речей не взяли. И вы б делали, как вас бог вразумит, по их речам".

1 декабря был четвертый съезд. Московские послы письменно отвечали на речи польских послов, которые были читаны на третьем съезде. Бискуп оправдывал во всем Гонсевского, говорил, что Гонсевский пан радный и человек честный и потому про него говорить таких речей не надобно. "И мы, - доносит Воротынский государю, - говорили, что знали мы Александра Гонсевского тогда, когда он в Москве со Львом Сапегою был в подьячих, а теперь он у государя вашего честь выслужил бездушеством и московским разореньем, а только бы не то, и он по-прежнему был бы в подьячих. Александр Гонсевский говорил на это сердитые и укорительные непригожие речи про тебя, великого государя, будто выбирали тебя одни козаки, а Христоф Радзивилл говорил, что целовали крест королевичу все и ныне он, королевич, на Московское государство готов, и только его на государство не возьмут, то они за его позор готовы все головы свои положить сейчас. И мы против тех их речей говорили с ними в брань, что никаких речей слушать про то не хотим. Александр Гонсевский ставил то себе в оправданье и похвалу, что он, будучи в Московском государстве, царскую казну брал и к королю и к королевичу посылал, потому, как всякие люди королевичу крест целовали, тогда вы все и казна была его, как хотел, так и владел: а когда московские люди начали королевичу изменять, то он, Гонсевский, против них стоял, этим королю своему честь сделал, а себе похвалу. А Филарет Никитич, будто бы еще с Москвы не поехав, договаривался с патриархом Гермогеном, чтоб быть на Московском государстве тебе, великому государю, а князь Василий Васильевич Голицын будто бы хотел государствовать сам. Стояли все польские послы за Гонсевского: мало задор не стался, да и разъехались; а на разъезде Гонсевский говорил с угрозами: "Либо из своего горла кровь источу, либо, пришед под Москву, столицу вашу подпалю!" Мы ему говорили: "По милости божией поспеешь туда же, где и советник твой Федька Андронов".

Между тем в Москву доносили, что Польша находится в затруднительном положении: турки напали на нее, шляхта сердится на короля за дела московские, не хочет ему помогать. На основании этих слухов царь писал послам: "Если послы станут с вами говорить шумно и сердито, то и вы бы с ними говорили, смотря по их речам, смело же и сердито, смотря по тамошнему делу; а если литовские послы станут с вами говорить пословно, то и вы бы также говорили с ними гладко и пословно". Наконец Ганделиус вступился в дело. Оправдывая себя в неосторожном обращении с ним, послы писали царю: "Мы на то его привели, что он твое, великого государя, имя почитал и против твоего имени вставал и шапку снимал, и потому чаяли от него всякого добра; а пока он в остроге у нас был, то у нас в те поры было урядно, а видеть ему в остроге было ничего нельзя, ехал он в санях, а по обе стороны стояли стрельцы, и ему через людей видеть ничего нельзя". После этого Воротынский съехался опять с Ганделиусом, который начал тем, что император велит ему ехать назад, спрашивал, зачем московские послы с литовскими не съезжаются. Воротынский отвечал, что вина на стороне литовских послов, которые

толкуют все о королевиче; во всех государствах ведется, что избирают на царскую степень государей для пожитку, для обороны и защиты, а у нас при королевиче конечное разоренье учинилось. *Ганделиус*: за такими речами никакому покою не бывать: литовским послам за королевича своего стоять: но если вы перестанете государя своего называть, то и литовские послы о королевиче говорить перестанут. *Воротынский*: нам того и помыслить нельзя; только литовские послы вперед о королевиче говорить не перестанут, то нам с ними никакого добра не дельвать. *Ганделиус*: можно сделать так: оставить с обеих сторон государские имена и мириться земле с землею. *Воротынский*: так делается в безгосударное время, а нам бог дал государя; у нас земля не своевольная, без государева повеленья ничего не делаем. *Ганделиус*: целовали вы крест королевичу, а теперь его государем принять не хотите, и вам чем его успокоить и на чем ему прожить? *Воротынский*: у нас про то давно отказано, вперед о том говорить и слушать не хотим, и в Московском государстве ему нигде места нет: и так от его имени Московское государство разорилось. *Ганделиус*: слышал я у литовских послов, что они о королевиче вперед говорить не станут, а хотят говорить о том, как бы успокоить государства и чем бы наделить королевича за то, что он от государства Московского отступится. *Воротынский*: королевичу отказано, и наделу ему у нас никакого нет; пань говорят через суд божий: бог того не похотел, что ему нами владеть и государем быть, а нам через волю Божию как то делать? И за то ли его наделить, что он Московское государство разорил и выжег и кровь христианскую многую пролил? Великому государю Михаилу Феодоровичу Московское государство поручил бог от прародителей; ему за то дару никому не давать и через волю Божию того ни у кого не выкупать, царство - дар божий. После этого Ганделиус опять говорил, чтоб мириться земле с землею, не именуя государей: послы отказали по-прежнему; Ганделиус продолжал: "У государя вашего с королем войны не будет, потому что король в Литве без панов-рад и без всех сеймовых станом ничего не сделает". Послы отвечали: "У нас в Московском государстве того искони не повелось, чтоб без государского указа земля что сделала; изначала ведется, что владеет всем государством один государь, а бояре и вся земля без царского повеленья не могут ничего сделать".

Пятый съезд московских послов с литовскими 26 декабря начался опять шумно: поднялась брань за то, что во время переговоров с обеих сторон продолжается война. "За то у нас с ними, - доносит Воротынский, - была брань большая, с обеих сторон принимались за сабли, Александр Гонсевский грозил боем, а цесарев посол нас с ними разнимал". Когда поуспокоились, литовские послы предложили мириться земле с землею, о королевиче же у них от панов-рад и от всей Посполитой Речи науки никакой нет, что им у него московский титул отставить, об этом пусть бояре пошлют из Москвы послов на сейм, чтоб королевич московский титул с себя сложил: этим бояре окажут ему почесть. Воротынский отвечал на это прежнее; тогда литовские послы объявили, что иначе они не заключат ничего и окончат переговоры, потому что должны ехать на сейм. Тем съезд и кончился. Когда в Москве узнали об этом, то послали Воротынскому последнюю меру: заключить перемирие с уступкою всего, что за Литвою, и чтобы Владислав обязался в перемирные годы Московского государства не достигать никакими мерами и умыслами.

Между тем шла переписка между боярами и польскими панам радными, также между боярами и послами, находившимися под Смоленском. Бояре писали к панам радным, жалуясь на литовских послов, и, между прочим, писали следующее: "Вы бы не смотрели на тех, которые всякое злое дело и ссору между государствами делали для своей корысти, а отцы их и деды в такой чести не бывали и никаких добрых дел

между государствами не делывали". Бояре намекали здесь на Гонсевского. Послы, узнавши об этой грамоте, оскорбились и послали в Москву к боярам от себя грамоту, в которой жаловались на поведение московских послов и объявляли, как они согласны помириться: перемирие должно быть заключено между государствами, а не государями, с условием, чтобы Речи Посполитой был уступлен Смоленск со всеми городами и волостями, которые приписаны к нему в докончальных записях. Что же касается до намеков боярских на Гонсевского, то послы отвечали: "Удивляемся мы очень словам вашим, что вы так грубо, укорительно и непригоже пишете: между нами в посольстве все люди отецкие, честные, старожилых знатных родов; да и не ведется этого в народе нашем, чтоб в таких великих делах припускать людей недостойных, как, по грехам, у вас теперь на Москве повелось, что люди простые, мужики, поповские дети и мясники негодные, мимо многих княжеских и боярских родов, не попригожу к великим государственным и земским и посольским делам припускаются. И вам бы, братье нашей, самим поостеречься и таким недостойным мужикам не давать воли, которые воровством научились жить и злостью и упрямством своим вас, великих честных людей, заводят на кровь людскую стоять. Если вы упрямством будете стоять, то и мы всем государством начнем крепко стоять; король и королевич, сославшись с великими государями, перед послами их произведут суд над Филаретом митрополитом и, уличивши его листами патриарховыми, живым Шеиным и другими многими свидетельствами, людьми и грамотами, что он всему Московскому государству и прирожденному истинному государю своему Владиславу неправду и измену явную учинил, и под ним сыну своему Михаилу государства Московского неправдою подыскивал, по тем его делам над ним и покончат, а против сына его с войском к столице королевич Владислав поспешит". Бояре отвечали им: "Если бы митрополит Филарет государства сыну своему подыскивал, то в то время, как мы, бояре, с гетманом Жолкевским договаривались, он бы дело портил и на то не производил, потому что он был тогда в Москве самую большую властью под патриархом, а братья его и племянники - бояре большие же, и в послах к государю вашему он бы не пошел и сына своего в Москве с вашими людьми не оставил. А как великий государь наш Михаил Федорович сидел в Москве у ваших людей в плену, и если бы действительно так было, как вы теперь на митрополита Филарета пишете, то вы бы ему, великому государю, смолчали ли? На кого вы не по правде думали, тех за приставов давали и пытали, а иных и смертью казнили. Ты, Александр Гонсевский, всем нам, боярам, говорил, что Московского государства ищет Прокопий Ляпунов; потом паны-рада писали к нам, что ищет князь Василий Васильевич Голицын в совете с митрополитом Филаретом, а теперь пишете, что митрополит искал государства сыну своему! И вы сами себя своим письмом обличаете, сами не знаете, какое лукавство на кого взвести. Пишете, что у нас недостойные люди к великим делам припускаются: но у великого государя в думе и во всяких чинах и приказах отецкие дети, кто чего достоин по своему отечеству, разуму и службе. А государь ваш и его сын через крестное целование прислали на Москву в казначеи кожевенника детину Федьку Андронova, в думные дьяки - овчинника Степанку Соловецкого да ключника Баженка, да суконника Кирилку Скоробовицкого, Ваську Юрьева поповича. И вам, братье нашей, надобно о том писать, рассудив".

На шестом съезде, когда литовские послы услышали от московских, что те без государева именованья никаких дел не будут делать, то разъехались с бранью и с шумом, отказали, что вперед съезжаться не будут и едут в Польшу. В Москве испугались и отписали Воротынскому: "Вы бы теперь с литовскими послами на съездах говорили гладко и пословно, а не все сердито, чтоб вам с ними никак не разорвать". Литовские послы объявили чрез Ганделиуса, что до тех пор не поедут на

съезд, пока московские не объявят, что согласны на перемирие "государства с государством". Воротынский дал знать об этом в Москву и получил оттуда позволение согласиться на такое перемирие. "Сперва, - писал царь, - говорили бы вы о делах: а как наше имя писать, о том вы бы с ними в начале не говорили, чтоб их больше в дело втянуть; и как уже о всяких делах с ними договоритесь и дойдет до записей и утверженья, то вы бы тогда о нашем и королевском имени с ними говорили, а съездам сроки откладывали бы вы подолее, чтоб с литовскими послами попроволочить до тех пор, пока послы наши с шведскими послами совершат и закрепят". После этого московские послы несколько раз съезжались с Ганделиусом, который требовал, чтоб они сказали ему последнюю меру; но они настаивали, чтобы был съезд с самими литовскими послами, с которыми они и станут толковать. Наконец Ганделиус сказал, чтобы послы объявили ему последний отказ, а больше уже он на съезд не будет, поедет к государю своему и все неправды и бесчестье, оказанное ими, послами, цесарскому маестату и ему самому, что они его задерживали и тем его бесчестили, все государю своему расскажет, а государь его за свое бесчестье сам станет; литовские же послы перед московскими во всем правы, сделали его, посла, у себя третьим и хотят через него узнать от московских послов, как они согласны мириться, а те ему ничего не объявляют. Воротынский отвечал, что они переговаривать о мире готовы, тогда Ганделиус сказал: "Теперь бы говорить о том, как королевича в записях закреплять, чтоб право его по гетманскому договору и крестное целованье не нарушено было; до перемирных лет короля и королевича они закрепят, что им войны не начинать, а после перемирных лет право королевича вцеле и ненарушимо было бы; да северских бы городов всех поступиться в польскую сторону да к Смоленску городов Смоленского княжества - Белой, Дорогобужа, Торопца со всеми уездами, как замирено было между королем Казимиром и великим князем Васильем Васильевичем; заплатить деньги польскому войску и на этих условиях заключить перемирие на полтора года". Воротынский отвечал: "Мы согласились заключить мир между землями, а теперь ты говоришь, что литовские послы хотят писать о нарушении гетманского договора? Это опять они начинают новое безмерье". Ганделиус уехал с сердцем. Получив об этом донесение, царь отправил послам своим образцовые грамоты, как заключить перемирие: "Божиею милостию великого государя (следует титул) бояр и всех думных людей и всего великого Российского царствия великие послы (имена) съезжались с такими-то послами и говорили" (следуют обвинения полякам), потом: "Учинили мы между великого государя Михаила Федоровича великими Российскими государствами и между великими же государствами - Короною Польскою и Великим княжеством Литовским перемирье". Понятно, что польские послы никак не могли согласиться на такую форму, ибо им прежде всего нужно было, чтоб имени нового царя московского не упоминалось. Воротынский прислал в Москву за разрешением еще нового затруднения: Гонсевский говорил, что Михаил Федорович королевичу Владиславу крест целовал, и они, послы, сказали, что не целовал. Царь отвечал: "Вы Гонсевскому отказали не подумавши: и так литовские послы пишут, будто великий господин отец наш Московского государства нам подыскивал и домогался; а только о том объявить, что нас бог соблюдал, креста королевичу не целовали, то литовские послы за то и больше начнут стоять и себя оправдывать, а на отца нашего станут взводить, что он нам государства подыскивал и от того нас соблюл, что мы королевичу креста не целовали: и вам бы на съезде послам говорить, что мы королевичу крест целовали, и то делалось судьбами божиими".

28 января был последний съезд. Приехали литовские послы, не все только, и Ганделиус, требовали перемирия на условиях, уже предложенных последним. Московские послы не согласились и объявили, что о Смоленске обошлется с

государем. Съезд кончился. Когда Воротынский действительно послал в Москву спросить насчет Смоленска, то получил такой ответ: "Вы это сделали слабостию, некрепко, объявили про Смоленск на обсылку, не дождавшись у них у самих больших уступок, и ворочали их сами дважды, как бы добывая челом. Вы бы за Смоленск стояли накрепко и о съезде сами литовских послов не задирали, а ждали присылки от них". Но в Москве сильно ошибались. Приехал к послам Ганделиус проститься, причем извинялся: "Не подосадуите, что на съезде говорил я с вами не пословно, с сердцем; мне и самому от литовских послов было великое бесчестье; вашу правду и сходство к доброму делу, а литовских послов упрямство я расскажу государю своему". Потом Ганделиус дал знать, что литовские послы стоят на прежних условиях и уезжают; Воротынский вопреки наказу послал требовать съезда, но ему отвечали, что литовские послы уже уехали.

В Москве приписывали поруху доброму делу дьяку Петру Третьякову, который медлил отсылкою указов царских к послам под Смоленск. Но во всяком случае трудно предположить, чтоб перемирие могло состояться при тогдашних условиях: поляки требовали слишком многого, потому что предшествовавшие события возбудили слишком большие надежды; а Москва не была еще в таком положении, чтобы могла согласиться на все для краткого и ничего не обеспечивавшего перемирия. Ганделиус не мог ничего тут сделать, да и не хотел, как видно. Вообще сношения с австрийским двором при царе Михаиле не имели прежнего дружественного характера; австрийский двор считал нужным переменить тон в сношениях с государством, которое уже не могло более присылать богатых мехов в Вену; притом здесь не были убеждены, что новый царь может утвердиться на престоле после таких смут, и потому не хотели смотреть на него, как смотрели на его предшественников.

Еще в июне 1613 года государь велел дворянину Степану Ушакову да дьяку Семену Заборовскому идти к Матьяшу (Матвею), цесарю римскому, в посланниках. Путь был дальний: вследствие войны с Литвою и Швециею послы должны были ехать чрез Архангельск. Посланники получили наказ: говорить, чтоб Матьяш цесарь, ведая братскую любовь и дружбу предков своих с предками великого государя, был с ним в братской любви, дружбе и ссылке и прежде всего любовь свою показал, послал бы к польскому королю от себя посла или посланника нарочно, в его неправдах его пообличить и выговорить, чтоб он перед великим государем Михаилом Феодоровичем и перед российскими государствами в своих неправдах исправился, крови христианской не разливал и учинил бы мир и покой, чтоб враги креста Христова - турки и иные государи мусульманского закона христианской розни не радовались. Если цесаревы думные люди спросят о летах государя, то отвечать: лет государю нашему 18, только бог украсил его царское величество дородством, образом, храбростию, разумом, счастьем, ко всем людям он милостив и благонравен, всем бог украсил его над всеми людьми, всеми благами, нравами и делами. Наконец, посланникам было наказано: "Как они будут у цесаревых думных людей и те станут говорить: в прошлом, 1612 году был цесарский подданный Юсуф Григорьев вместе с шаховым посланником в Ярославле на отпуске у князя Дмитрия Михайловича Пожарского и говорил князю: если захотят на Московское государство цесарева брата Максимилиана, то цесарь брата своего им даст и с польским королем помирят вечным миром. Князь Дмитрий отвечал: если цесарь брата своего на Московское государство даст, то они цесарю много челом бьют и брата его примут с великою радостью. Юсуф, приехавши, цесарю об этом сказал; цесарь обрадовался и дал знать об этом брату своему Максимилиану, но тот отписал, что он на старости лет хочет быть в покое, молиться богу; тогда цесарь приказал с Юсуфом к князю Дмитрию,

что есть у него двоюродный брат Пилиуш, и если его на Московское государство захотят, то он его даст; и для этого дела цесарь послал в Московское государство посла своего, великого ближнего человека, именем Размысла, а к польскому королю послал Грота; так с ними, Ушаковым и Заборовским, есть ли теперь какой-нибудь об этом приказ? Отвечать: нам известно, что цесарев посланник Юсуф Григорьев в Московское государство пришел и у бояр был, но о том, что князь Дмитрий Пожарский приказывал к цесарю о брате его, мы ничего не слыхали, да и в мысли у бояр, воевод и всяких русских людей не бывало, чтоб из иных государств не греческой веры государя выбирать; разве о том приказывал с Юсуфом князь Дмитрий Пожарский без совету всей земли Московского государства или Юсуф или переводчик Еремей сами собою затеяли, хотя у цесарского величества жалованье какое-нибудь выманить. Вам, думным людям, можно самим разуметь, что и не такое великое дело без совета всей земли не делается; вам о том и говорить непригоже, и послов государю вашему за этим посылать не для чего: это дело нестаточное и между государями нелюбовное".

Посланники привезли в Москву грамоту от императора; но в этой грамоте не упоминалось о царе Михаиле, говорилось только, что император принял к сердцу печальное положение Московского государства и надеется, что король польский на его волю положится, мир учинит. Призвали посланников к допросу: каким образом случилось, от цесаря грамота не к государю и государева имени в ней не написано? Ушаков и Заборовский отвечали, что принял их цесарь и о государевом здоровье спрашивал любительно; думные люди во всем говорили им с царским именованьем и царское имя во всем почитали; на отпуске цесарь приказал государю поклон любительно же, сказал, что восшествию на престол государя обрадовался и хочет быть с великим государем в братстве, любви и ссылке и посла своего к государю шлет. Они, посланники, тому поверили и тот лист взяли за грамоту, а подписи на нем прочесть не велели без хитрости, поверя тому, что цесарь их принял от государя и отпустил к государю. Спросили толмача, тот сказал, что действительно в речах от цесаря царское имя говорили ко многим статьям и почеть посланникам от цесаря и от думных людей была, только государя называли царем и великим князем, а Михаилом Феодоровичем не называли; цесарь к государеву имени немного только приклонился и шляпу снимал, приказывал к государю челобитье сидя же, а посланники ему об этом ничего не говорили. Лист, что привезли посланники к государю, и подпись на нем он, толмач, посланникам переводил и сказывал, что государева имени нигде нет; а когда были в Голландии и получили грамоты от голландского князя и Штатов с полным царским именованьем, то он, толмач, указывал посланникам на эту разницу между цесарскою и голландскою грамотами, но они отвечали ему: "Уже это дело сделано". Призвали опять посланников к допросу; они отвечали: "Что цесарь на посольстве и на отпуске не встал и имени государева не именовал, и они о том цесарю и его думным людям не говорили, то они учинили спроста, без хитрости, потому что им не за обычай, думали, что у них в государственных поведеньях и в посольских обычаях так издавна ведется. И которая будет бесхитростная вина их пред государем взыскалась, и в тех их бесхитростных винах волен бог да государь: учинили они то простотою, а не изменою и не умышленьем. А что они взяли у цесаря вместо грамоты ответ, писанный на их речи без царского именованья, того они себе в толк не взяли, что не только грамоты, и ответу без царского именованья не бывает, и надеялись они на то, что им против их посольства и против речей заодно грамота и ответ учинены, потому что им не за обычай: в посольствах прежде никогда не бывали; и то они учинили без хитрости ж, хотели лучшего, да по грехам, их простотою учинилось бесхитростно; и в том они виноваты ж, что вчера запирались, будто подписи прочесть переводчику не давали:

подпись им переводчик читал и список переводил, и им то ведомо, только положили то запросто, а цесарь уж из Линца поехал, если бы и послать, то без цесаря ничего сделать было нельзя. И в тех их винах волен бог да государь, а им своих бесхитростных вин утаить и покрыть нечем". Бояре говорили дьяку Заборовскому: "Степан (Ушаков) человек служилый; а ты сидел в Посольском приказе и в Разряде в подьячих, тебе это дело за обычай. И как вы смели так сделать? Хотя бы вы смерть свою там видели, а такого ответа без государского имени не должны были брать". Призван был к допросу опять толмач и показал, что у посланников никаких тайных сношений с цесаревыми людьми и непригожих речей про государя не было, но посланники и люди их вели себя дурно; шла мимо Степанова двора девка, и Степановы люди эту девку ухватили и повалили, за что у них с немцами была драка; да Степанов же человек на том дворе, где стоял, хотел у дворника жену обесчестить, и дворник за ним гонялся с протазаном, хотел его убить, а Степан, зная воровство людей своих, от того их не унимал: Степановы же люди пьяные чуть пожара не сделали; он, толмач, их унимал, говорил, чтоб они, будучи в чужой земле, такого бесчестья не делали, а они его за это били. Сами Ушаков и Заборовский пили и между собою бранились. В Гамбурге человек Ушакова бесчестил дочь английского воеводы, в Голландской земле хватался руками за дочь казначея, в доме которого стояли посланники; да и во многих местах Степан и Семен пировали, пили и многие простые слова говорили, которые в тамошних землях государеву имени к чести непристойны. Сперва цесарь хотел дать посланникам цепи с своими парсунами (портретами), но потом велел портреты снять, сказавши: "Слышал я про них, что они люди простые, неученые, ничего доброго, кроме дурости, не делают; прежние послы и посланники, которые прихаживали от московских государей, так непригоже не дельвали, и таким бездельникам собакам парсуны моей давать непригоже".

Чтобы поправить дело, в августе 1614 года отправлен был к императору наскоро гонец, переводчик Иван Фомин, с грамотою, в которой говорилось, что посланники Ушаков и Заборовский привезли лист с ответом посланникам, неведомо чьим и неведомо кому именем; а перед приходом посланников Ушакова и Заборовского писал императорский гонец Сингель, что он идет перед цесаревым послом, который отправлен к боярам, воеводам и ко всяким людям: "И мы, великий государь (продолжает грамота), тому удивляемся, каким это образом у вас, брата нашего, делается не по прежнему обычаю? Прежде, кроме братства и любительной ссылки, недружбы никакой не бывало, государь государю честь по достоинству воздавали и один другого выславляли, и меж себя дружбы и любви на обе стороны искали. Мы на посланников наших за то, что они нашей царской чести не остерегали, опалу свою положили и велели им казнь учинить". Когда Фомин правил поклон императору от государя, то император, сидя на месте, тронул у себя на голове шляпы немного и против царского именованья не встал. Фомин заметил, что этим цесарь показывает брату своему нелюбие; канцлер отвечал, что цесарь не помнит, когда прежде цесари римские против именованья царей российских вставали. Фомин в свою очередь, отходя от цесаря, поклонился ему по-среднему, не низко. Цесарь обиделся поведением гонца, прислал к нему думных секретарей с выговором и велел приставить к его двору стражу, чтоб без ведома думных людей никто к нему и от него не ходил. Пристав Яков Баур говорил гонцу: "Когда были здесь царские посланники Ушаков и Заборовский, то он же, Яков, был у них в приставах и они сажали его, Якова, у себя на месте, как цесарь сидит в своем величестве на месте, и учились у него кланяться три дня, а когда они были у цесарского величества, то кланялись до земли". Фомин отвечал: "Посланники делали не гораздо, что великого государя чести не остерегали, а ему, Фомину, перед цесарем до земли не кланяться, да и во всей вселенной не ведется, чтоб посланники и гонцы до земли кланялись,

подобает это делать подданным". Баур говорил: "Теперь цесарское величество уверился, что великий государь ваш на Московском государстве утвердился, а до приезда его, Фомина, вести у них были, что великий государь на Московском государстве не утвердился и московские люди еще не в соединении". После этого стражу сняли, но пристав опять начал выговаривать гонцу, как он осмелился сказать императору, чтоб он встал при царском имени; "ты цесарское величество этим обесчестил, и цесарь хочет писать об этом ко всем государям и курфюрстам, что они приговорят. Слыхали они, что при царе Иване Васильевиче был посол, и вошел он в палату к царю, не снявши шапки, так царь Иван тут же велел шапку прибить гвоздем к голове; да если бы и при цесаре Рудольфе такие ты речи сказал, велел бы ему против царского имени встать, то он бы велел тебя тут же из окна выбросить или на алебардах поднять". Фомин отвечал: "Что я говорил, то говорил по царскому приказу; а при царе Иване Васильевиче ничего такого не бывало, что ты говоришь, и нашему великому государю есть что писать ко всем государям о цесарском нелюбье, да у великих государей христианских не ведется, чтоб над посланниками или гонцами что делать". Твердость гонца произвела свое действие: по поведению Ушакова и Заборовского судили о слабости государя, их приславшего, по ответам Фомина начали судить иначе и по австрийской привычке (*tu, felix Austria, nube*) задали вопрос гонцу: "Не изволит ли царское величество у цесаря жениться?" Фомин отвечал, что царская мысль в божьей руке: кроме бога, кому то знать?

Более полутора года прожил Фомин в Вене, неведомо для чего, как он выражался. Ему не давали отпуска, все дожидаясь, чем кончится у Москвы с Польшей и Швецией, утвердится ли Михаил на престоле, наконец дали грамоту, но не с полным государевым именованьем; Фомин грамоты не взял и уехал. Не дождавшись Фомина, государь в июне 1616 года послал в Вену известного Лукьяна Мясного, которому поручено было проведывать тайно всякими мерами: как цесарь с польским королем, для чего цесарь присылал на съезд под Смоленск своего посла Ганделиуса, для доброго ли дела или доброхотая польскому королю, и не хочет ли цесарь с королем на Московское государство стоять, и что Ганделиус цесарю и думным людям про съезды под Смоленском рассказывал? В грамоте своей к императору, посланной с Мясным, царь писал, что мир не заключен под Смоленском по несходительству польских послов, и просил не помогать королю казною и людьми и своим ратным людям не велеть наниматься у поляков. Нового посланника встретили жалобами на Фомина: про свой проезд он прежде не отписал, что едет от царского величества; цесарь велел кардиналу расспросить Фомина: от кого он прислан, от царя или от земли, и с каким делом? Но Фомин у кардинала не был и сказал: "Прислан я от царского величества к цесарскому величеству, а не к попу, и, не быв у цесарского величества, к подданным мне не хаживать". Потом как был Фомин перед цесарем, то говорил невежливо, будто с угрозою; а цесарю против царского имени встать было нельзя, потому что у него ноги очень болели, наконец, грамоты цесаревой Фомин не взял. Но и Мясной отвечал то же самое, что теперь цесарского величества думные люди начинают новые причины, чего никогда не бывало да и не ведется нигде: посланникам, не быв у цесарского величества и не исправя своего посольства, наперед идти к подданным непригоже, и если они это начинают сами собою, то они такими новыми небывальными причинами между великими государями братскую любовь и дружбу нарушают, а если они приказывают с цесарского повеленья, то цесарь начинает новое и царскому величеству нелюбье свое показывает. Мясному объявили от имени кардинала Мельхиора Клезеля: "Если ты, посланник, по цесарскому приказу у меня не будешь, то тебе за это цесарских очей не видать и доброе дело между великих государей не станется; не с тем ли и ты приехал, что перед цесарем говорить невежливо и нас бесчестить, как Иван Фомин?"

Лукьян уступил и поехал к кардиналу, который также начал жалобами на Фомина; "Фомин цесаря во всем прогневал, говорил перед ним невежливо и меня бесчестил, знаем мы и сами, что в Московском государстве ближних людей и церковных причетников почитают, а этот Иван худяк все делал своим глупым разумом, все государево дело потерял, из-за него между двумя великими государями дружба и любовь не сталися. И если вы присланы с тем же, то вам на удачу у цесарского величества не быть, а если цесарское величество и соизволит вам у себя быть, то чести вам от него не будет". Потом Мясному объявили, что после представления цесарю идти ему к императрице. Мясной отвечал: "Государь прислал нас к цесарскому величеству, а у цесаревы нам быть не наказано, и что великой государыне говорить, мы не знаем. Прежде послы и посланники у цесарев не бывали". Кардинал велел сказать на это: "Прежний цесарь, Рудольф, не был женат, а теперь цесарь и цесарева, жалуя вас, велят вам быть: в том их государская воля". Кардинал прислал и титул, как перед цесаревою говорить. Назначен был день представления; цесарь принял посланников стоя и против царского поклона приподнял с себя шляпу; также и цесарева приняла их стоя. Мясной поднес императору рысь и сорок соболей, императрице - сорок соболей и кардиналу послал также сорок соболей; кардинал, принявши подарок, велел ему сказать, что он во всем царскому величеству будет радеть. Следствием этого раденья был ответ, что у польского короля цесарское величество не ищет ничего и на Московское государство королю казною и людьми помогать не хочет, и ратным людям в своих государствах наниматься не велит. Цесарскому величеству подлинно известно, что польскому королю война с турками и шведами, стало ему теперь до себя, а не до Московского государства; если же польский король с царским величеством мира не учинит, то цесарь пошлет к королю посла, чтоб перед царским величеством в своих неправдах исправился. С этим ответом Мясной возвратился в Москву, где подвергнулся выговору, зачем стоял в Праге на одном дворе с другими послами, зачем был у кардинала прежде цесаря и т.п. Но государь Лукьяна Мясного и товарища его подьячего Посникова пожаловал, опалы на них не положил, для того что им было не за обычай: Лукьян - человек служилый, у таких дел в посольстве прежде не бывал, и подьячий у таких дел не бывал же, у большого дела нигде не сиживал, и прост, и худ".

Одновременно с Ушаковым и Заборовским в июне 1613 года отправлены были в Константинополь к султану Ахмету посланники - дворянин Соловой-Протасьев и дьяк Данилов. Они должны были объявить султану, что новый царь хочет быть с ним в дружбе и любви свыше всех великих государей и на всякого недруга стоять заодно и чтоб султан присылал в Москву послов своих с полным наказом, да чтоб султан, видя неправду польского короля и панов радных, мстил им за их неправды, послал повеленье крымскому царю идти со всею ордою в Польскую и Литовскую землю, а на Русскую землю ходить им не велел. Великий визирь отвечал: "Султан хочет быть с великим государем в братстве, дружбе и любви, хочет стоять на литовского короля, послал приказ крымскому царю идти на Литву от Белагорода (Акермана) да из Царя-города посылает 10 000 ратных людей с волохами и молдаванами на Литву, а на Черном море у Днепровского устья велел поставить от днепровских черкас два города и козаков с Днепра сбить, вас, посланников, велел отпустить и с вами вместе посылает к государю вашему своего чауша". Визирь прибавил, что султан очень доволен дружественным предложением со стороны московского государя. "Все нам известно, - говорил он, - что под солнцем два великих государя: в христианских странах ваш великий государь, а в мусульманских Ахмет султан, и против них кому стоять?" В августе 1615 года отправились из Москвы в Константинополь новые посланники, Петр Мансуров и дьяк Самсонов,

уговаривать султана, чтоб велел крымскому хану идти на Литву, потому что польский король, узнавши любительную ссылку между царем и султаном, беспрестанно ссылается с цесарем, папою, королем шведским и другими государями, умышляя всякое лихо на Россию и Турцию; послы должны были также жаловаться на набег азовцев на русские уkraine. Посланники застали донских козаков в войне с Азовом; азовский паша говорил Мансурову и Самсонову с досадою: "Добро бы было вам донских козаков с азовцами помирить, козаки азовцам теперь чинят тесноту и вред большой, становятся они нам хуже жидов, а если вы козаков с азовцами не помирите, то мы всем городом отпишем султану, и вам к нему приехать не к чести". В это время азовские люди привезли с Мертвого Донца пленников, донского атамана Матвея Лисишника и более 20 человек козаков; атамана страшно пытали, ремня из хребта резали и повесили на том самом корабле, который был приготовлен для посланников; с пытки козаки сказали, что царь с Мансуровым прислал к ним на Дон жалованье, деньги, сукна, хлебные и воинские запасы. Посланники объявили паше, что они не поедут на том корабле, на котором был повешен воровской мужик. Паша отвечал: "Здесь живут воры же, вольные люди, такие же, что на Дону козаки, взяли они воровских козаков и повесили на корабле не по моему приказу, самовольством, а корабль я вам дам другой". Наконец донские козаки - атаман Смага Чертенский с товарищами - прислали в Азов троих атаманов, которые и заключили перемирие с азовцами, после чего царские посланники отправились в Константинополь.

В Константинополе ждал их почетный прием: великий визирь сказал им: "Вы у нас гости добрые, приходите к нам с делом добрым и любительным, и государь наш велел вам почесть воздавать свыше всех послов великих государей и ставит себе государя вашего великим и неложным другом и приятелем". Но козаки не замедлили помешать делу: визирь прислал сказать посланникам, что донские козаки приступали к Азову двенадцать дней, на Миусе много кораблей погромили и теперь на семидесяти стругах идут под город Кафу: "И вы, посланники, велел сказать визирь, пришли к государю нашему не для доброго дела, с обманом". Посланники должны были запеть старую песню, что на Дону живут воры, беглые люди боярские, утекая из Московского государства от смертной казни, живут на Дону, переходя с места на место, разбойническим обычаем. Но визирев посланец возразил: "Вы говорите, что на Дону живут воры; а для чего же ваш государь теперь с вами прислал к ним денежное жалованье, сукна, серу, свинец и запасы? Визирь велел вам сказать: если донские козаки какое дурно на море или над Кафою учинят, то вам здесь добра не будет, можно вас здесь за вашу неправду казнить смертью. Пишите к козакам, чтоб они от своего воровства отстали". Посланники отвечали: "Присланы мы для общих больших добрых дел; когда мы будем у визиря и об этих больших делах переговорим, тогда и о донских козаках договоримся". Но скоро опять пришли другие вести: приходили морем во многих стругах донские козаки, города Трапезунт и Синоп взяли, выжгли, людей многих побили и в плен побрали. Визирь долго не присылал за посланниками, которые обратились к казначею, визиреву зятю, подарили ему сорок соболей, чтоб он похлопотал у визиря об их деле; визирь прислал сказать им, чтоб ни о чем не печалились, все их дела будут сделаны, и, действительно, скоро после того прислал за ними. Разговор начался не очень приятно для посланников, визирь сказал им: "Не известить мне государю своему о козачьем воровстве нельзя, но как скоро я ему об этом объявлю, то вам добра не будет, говорю вам прямо; да государь же наш велит в вашу землю послать татар войною, и государю вашему какая от этого прибыль будет?" Посланники отвечали прежнее, что "на Дону живут воры, которые и Московскому государству много зла наделали, первые к Гришке Отрепьеву и к польским людям пристали, а после

многих воров называли государскими детьми. Царское величество с Дону их сослать велит для дружбы к султану. То не диво, что воры беглые люди воруют; но азовские люди не козаки, живут в городе, а каждый год приходят на государя нашего украины". Визирь возразил: "Но ведь крымцы на ваши украины не ходят?" Посланники отвечали: "Мы говорим не о крымцах; говорим, чтоб султан унял азовцев". Визирь замолчал и, помолчавши, начал опять говорить: "Скажите мне, сколько ратных людей вас провожало до Азова и сколько под вами и под ратными людьми было стругов, и теперь эти ратные люди и струги где? До нас дошел слух, что этих ратных людей и струги все вы оставили у козаков на Дону и на этих ваших стругах теперь козаки на море воруют, корабли громят, поморские волости и деревни пустошат". Посланники отвечали, что на Дону ни ратных людей, ни стругов не осталось. Визирь сказал на это: "Если государь ваш теперь козаков не смирит, то наш государь может и своим войском их смирит, только между государями дружбы не будет, и вам здесь будет задержанье. Но полно говорить об этом деле, станем говорить о добрых делах". Добрые дела состояли в том, что посланники объявили визирю: "Если ты на польского короля войско пошлешь вскоре, все великого государя нашего дела переделаешь и нас отпустишь скоро с добрым делом, то мы тебе бьем челом - семь сороков соболей добрых". Визирь очень развеселился и стал говорить: "Султан непременно войско на Польшу пошлет и вас велит отпустить с добрым делом, государя вашего напишет с полным именованьем, за то я вам ручаюсь и на старости своей великому государю вашему работу свою и службу хочу показать". Посланники с своей стороны выставили дружбу государя своего к султану, объявили, что посланники персидский и австрийский задержаны в Москве, потому что цесарь, шах персидский и король польский друг с другом ссылаются.

Но эти приятные отношения вследствие соболей были непродолжительны; козаки пересиливали соболей: визирь объявил посланникам, что султан посылает рать свою на Литву, но чтоб они, посланники, поручились, что донские козаки во время этого похода турецкого войска в Литву не причинят никакого вреда турецким областям. Посланники отказывались ручаться, говоря, что у них в наказе об этом ничего нет, что для окончательного договора о козаках султан должен отправить своего посла в Москву. Визирь сказал на это: "Добро было вам донских козаков себе на душу взять, а если вы козаков себе на душу не возьмете, то вам от нашего государя какого добра ждать? Отпуску вам не будет, между государями любви не будет же, государь наш вашему государю на польского короля помогать не станет, а на донских козаков наш государь хочет послать воевод своих, наши ратные люди всех козаков побьют, юрты их разорят, и вашему государю то не к чести же будет". Посланники отвечали: "Хотя бы турецкие люди донских козаков до одного человека побили, то наш великий государь вашему за то не постоит: наш великий государь сам о том помышляет, чтоб козаков на Дону не было и чтоб от их воровства между обоими государями дружбе помешки не было". Визирь: "Вы называете донских козаков ворами и разбойниками; за что же ваш государь прислал к ним запасы многие? И они с этими запасами по морю ходят беспрестанно и нашему государю многие убытки делают". Посланники: "Государь наш послал донским козакам запасы, потому что они над ногайскими людьми поиск чинят, полон у них русский отбивают; кроме того, донские козаки встретили с честью наших посланников Солового-Протасьева с товарищами и вашего посланника и всю зиму кормили. На Дону живут воры разбойническим обычаем, переходят с места на место: а вашего государя азовские люди живут в городе и на нашей украине разбойничают!" Визирь отвечал, что султан велит унять азовских людей. В то же время был у визиря польский посланник Ян Кохановский, которого визирь посадил ниже московских посланников. Кохановский твердил визирю, что на Черном море разбойничают не запорожские, а донские козаки;

московские посланники говорили визирю: "Вам самим известно, что разбойничают черкасы".

Это был последний разговор наших посланников с визирем Ахмет-пашою: султан велел его сменить за утайку дурных вестей о персидской войне и на его место поставил визирем Халиль-пашу. Посланники обратились к патриарху Тимофею, не может ли он им помочь у нового визиря? Патриарх отвечал: "Самим вам известно, что старый визирь на нас православных христиан греков был гонитель и поругатель великий, чуть меня к смерти не привел, и мне при нем помогать вам никаким образом было нельзя; новый визирь, думаю, ко мне расположен, и потому буду о государевых делах промышлять; вам бы завтра послать к визирю в подарок сорока два или три соболей добрых, а я с вашими людьми пошлю своего дьяка Мануила, чтоб он от меня визирю и его дворецкому побил челом: этого дьяка Мануила визирев дворецкий знает и очень любит, а дворецкий визирю дядя родной, вам бы и ему послать сорок соболей". Посланники исполнили совет патриархов, и визирь обещал хлопотать о их деле, но объявил, что все задержанье им из-за донских козаков, за то, что государь прислал козакам жалованье: польский король обещается черкас унять, и если уймет, то султан с ним помирится и пошлет рать свою на донских козаков; если же король польский не пошлет на черкас своего войска и донские козаки перестанут на море разбойничать, то султан хочет стоять с царем заодно на польского короля и их, посланников, отпустит в Москву. Опять отправили посланники к визирю шубу соболью с просьбою, чтоб великому государю службу свою показал, все государственные дела переделал. Визирь отвечал, что с султановой грамотою к царю будет отправлен один из посланников, а другой должен остаться в Царе-граде, потому что посланники не хотят поручиться за донских козаков, которые воруют, турецкие морские города и волости воюют. "Ступайте к муфтию, побейте ему челом", - прибавил визирь. Посланники поехали к муфтию и от того услышали те же речи, что должен ехать в Москву один посланник, по примеру цесарских послов, из которых один, большой, остался в Царе-граде для справки в государственных, любительных делах. Явилось и старое требование, чтоб царь уступил султану Казань и Астрахань. Халиль-паша ушел в персидский поход; его место заступил Магомет-паша, от которого посланники должны были выслушивать прежние речи: "Если вы к козакам не отпишете и их не уймете, то государю вашему от нашего государя какого приятельства ждать, а вам за козаками из Царя-города отпуску не будет". Посланники подослали греков к сыну и дворецкому муфтия; те велели сказать им: "Мы у муфтия их делом промыслим, но чтоб нас не забыли, почтили своими заморскими поминками, что у них случится". Муфтий действительно прислал за посланниками, но объявил: "Если государь ваш уступит нашему старинные мусульманские города - Казань и Астрахань, то государь наш тотчас ему поможет на польского короля; по нашей мусульманской вере христианам даром помогать не велено". С тем и отпустил. Посланники поехали к визирю Магомет-паше и сказали ему, что если султан пошлет войско на Польшу, то государь пришлет ему, визирю, жалованья мягкою рухлядью на три тысячи золотых, дали ему и заемную память на эту сумму. Визирь, подержав память в руках, отдал назад и сказал: "Память мне ваша не надобна, а делами вашего государя стану непременно и радетельно промышлять". После этого дал знать посланникам посольский дьяк, что ему велено писать грамоту от султана к царю, что посланникам скоро будет отпуск, причем велел сказать: "Посланники живут в Царе-городе другой год, многим людям от них подарки были, только я от них ничего не видал; а им бы следовало и нас государевым жалованьем взыскать, за мною государево жалованье не пропадет, отработаю великому государю, где силы достанет". Прислал и дворецкий визирев: "Я беспрестанно говорю визирю о государевых делах, дела эти к

концу приходят: так посланникам следовало бы визиря почтить да и меня не позабыть". Посланники отправили всем шубы. Прислал муфтий и сын его напомнить посланникам о их обещании, отправились и туда собольи шубы. Благодаря всем этим шубам посланников после тринадцатимесячного задержания отпустили в Москву с объявлением, что против польского короля стоит турецкое войско у Хотина, а как визирь Халиль-паша придет из Персии, то султан пошлет тогда на Польшу всех своих ратных людей.

Отправлены были посланники и в Персию, дворянин Тихонов и подьячий Бухаров; шах Аббас объявил, что хочет быть с царем Михаилом в крепкой дружбе, помогать ему и ратными людьми, и казною, если и царь будет помогать ему и тем и другим; смотря на небо, шах сказал: "Бог меня убьет, если я брату моему царю Михаилу Федоровичу неправду сделаю". Шах извинялся перед государем в том, что сначала, по просьбе Марины и Заруцкого, обещал помочь им ратными людьми, казною и хлебными запасами: они его уверили, что при них находится царь московский Иван Димитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать; как же скоро он, шах, узнал о воровстве Маринки и Заруцкого, то не дал им никакой помощи. Царь отправил дворянина Леонтьева просить у шаха денег в помощь против литовских людей, и в конце 1617 года шах прислал легкую казну, серебра в слитках на 7000 рублей.

Новый царь, разумеется, должен был начать сношения с Крымом, где царствовал Джанибек-Гирей. Сношения эти носили прежний, уже хорошо нам известный, характер: главным содержанием переговоров по-прежнему была торговля: крымцы запрашивали, хотели взять как можно больше, русские старались дать как можно меньше, представляя опустошения государства, оскудение казны. Разбойники не трогались этим представлением: в июле 1614 года в Ливнах, где по обычаю происходил обмен посланников, крымский посол Ахмет-паша Сулешов объявил: "Если не станет государь присылать ежегодно по 10000 рублей, кроме рухляди, то мне доброго дела совершить нельзя; со мной два дела, доброе и лихое, выбирайте! Ногайские малые люди безвыходно вас воюют, а если мы с своими силами на вас же придем, то что будет? Вы ставите шесть тысяч рублей в дорого, говорите, что взять негде; а я и на одних Ливнах вымещу: хотя возьму тысячу пленных, и за каждого пленника возьму по 50 рублей, то у меня будет 50 000 рублей". Наконец Ахмет-паша согласился взять 4000 рублей поминков для хана и дал за него шерть, когда московский посол дал слово, что по весне рано государь пришлет хану большие поминки. Но когда посол, князь Григорий Волконский, приехал в Крым брать шерть, то хан Джапибек-Гирей объявил: "Шерти мне теперь дать не за что, поминков ко мне и к калге прислано мало, к ближним людям прислано не ко многим и не помногу, и за это ближние люди на нас злобятся, шерти дать не хотят и нам шерть отговаривают". Наконец и хан дал шерть с условием, что если государь рано весною поминков не пришлет, то шерть не в шерть. После этого посылались в Крым ежегодные поминки как для того, чтоб удерживать крымцев от нападения на московские украины, так и для того, чтоб побуждать их к нападениям на Литву. Последняя цель плохо достигалась, потому что хан был занят войной персидскою, усобицею у себя в Крыму и боялся запорожцев, которые сильно опустошали его улусы. Послы московские по-прежнему постоянно жили в Крыму, на смену одних приезжали другие, по-прежнему им чинилось там многое насильство и неволя, поминки брали на них многие, в неволе, чуть-чуть не правежом; по-прежнему за выгодами московского государя наблюдала фамилия князей Сулешовых - сначала Ахмет-паша, а потом брат его Ибрагим-паша.

Более чем где-либо участия новый государь московский нашел на далеком западе, у морских держав Голландии и Англии; разумеется, это участие было корыстное: внутренние смуты в Московском государстве и опустошения, причиняемые войной польскою и шведскою, вредили их торговле, им выгодно было успокоить Московское государство и в награду приобрести здесь еще большие торговые выгоды. Известные уже нам лица, Ушаков и Заборовский, отправив посольство свое у императора, должны были ехать в Голландию и там требовать помощи на врагов. 1 мая 1614 года Ушаков и Заборовский приехали в Гагу, приехали они в жалком положении, и голландское правительство тотчас же снабдило их всем нужным, приказав выдать им единовременно 1000 гульденов. Послы, по отзыву голландцев, приводили всех в удивление своей скромностию и учтивостию и были очень боязливы. Они просили у Генеральных штатов помощи царю войском и деньгами. Штаты отвечали, что они сами недавно освободились от войны и потому не могут подать царю никакой помощи, но употребят все усилия, чтоб склонить к миру короля шведского. В Англию в июне 1613 года отправлен был дворянин Алексей Зюзин. Описавши неправды поляков в Москве, Зюзин должен был сказать королю: "Во время московского разоренья ваших гостей и торговых людей, Марка англичанина с товарищами, литовские люди захватили, товары все у них отняли и держали их за крепкими приставами, а после того побили". Зюзин должен был говорить министрам королевским, что царь велел просить помощи казною своим ратным людям на жалованье, а наемные люди государю нашему не надобны, денег им на наем в нынешнее время дать нечего. Зюзин должен был просить, чтоб король помочь учинил казною, товарами, зельем, свинцом, серою и другою воинскою казною, а государь своею любительною и братственною дружбою и любовью будет воздавать и свыше того: непременно уговаривать, чтоб король государю помочь учинил казною и товарами и пушечными запасами тысяч на сто рублей, но самой последней мере на 80 000 или на 70 000, а по самой нужде на 50 000. Если королевские советники станут говорить, что они знают наверное, что Марка англичанина били русские козаки в то время, как у польских и литовских людей Китай взяли, и именье его все захватили те же козаки, и государь бы велел это именье отдать англичанам торговым людям, то отвечать: нам наверное известно, что Марка захватили польские люди и держали по самое китайское взятье за крепкими приставами на английском дворе в Китае-городе, и как Китай-город у польских людей взяли, то Марка с тех пор без вести нет, неизвестно - польские и литовские люди его убили или, может быть, чернью, не рассматривая, в то же взятье его убили, потому что в то время и русских многих людей, которые сидели неволею у поляков, побили. Зюзин должен был наведаться о посланном при Годунове в Англию для науки Григорье Григорьеве с четырьмя товарищами, требовать их назад, потому что они государю нужны к посольскому делу.

В Англии московского посланника приняли не так, как в Австрии. Король Иаков отвечал, что он будет с царем Михаилом вести дружбу свыше прежних королей. "Мне известно, - говорил он, - какое зло поляки наделали в Москве, и мы короля Сигизмунда за то укоряем и с ним ни о чем не ссылаемся, и шведского короля неправды нам известны же". Король говорил послам, чтобы надели шапки, дважды и трижды о том припоминал и своим королевским словом гораздо понуждал и *приклекивал* (приседал), чтоб шапки надели. А сам король и сын его, королевич Карл, шляп ни разу на себя не надели, держали их сами, а королева тут же стояла по своему королевскому чину и обычаю. На увещание короля надеть шапки послы отвечали: "Видим к великому государю нашему твою братскую любовь и крепкую дружбу, слышим речи ваши государские, великого государя нашего царское имя славится, а ваши королевские очи близко видим, и нам, холопям, в такое время как

на себя шапки надеть". Король, королева и королевич послам приклякнули, за то похвалили, жаловали их и любезно почитали.

Вследствие этого посольства в августе 1614 года в Москву приехал давно уже известный здесь английский купец Джон Мерик, но с новым значением; в королевской грамоте назван он был князем, рыцарем, дворянином тайной комнаты. Мерик объявил желание королевское, чтобы государь дал английским купцам повольную торговлю и открыл им путь в Персию по Волге. Ему отвечали, что государь уже дал позволение английским купцам приезжать в Холмогоры к корабельной пристани и в иные места и торговать повольною торговлею всякими товарами беспошлинно, и жалованную грамоту за царской печатью им дали. А через Московское государство рекою Волгою в Персию и в иные восточные государства английским гостям в нынешнее время ходить страшно: князю Ивану (Мерику) самому известно, что смута была, в Астрахани был Заруцкий с Маринкою; теперь воеводы Астрахань взяли и Заруцкого в Москву прислали, но многие вору, которые были с Заруцким, убежали на Волгу и там теперь воруют, наших многих торговых людей пограбили, а шах персидский в нашу подданную Грузинскую землю вступился, между нами с ним о том ссылка, и наши торговые люди теперь в Персию не ходят. А как, даст бог, дорога в Астрахань очистится и с персидским шахом о Грузинской земле постановится, то государь с Якубом королем о том сошлется. После этого между Мерикум и князем Иваном Семеновичем Куракиным был разговор, как помириться государю с шведским королем. *Мерик*: свейский король к государю нашему о том писал сам, чтобы государь наш его с великим государем вашим помирил, и отдался в том свейский король на волю государя нашего, а наказ мне дан - велено делать с шведскими послами по наказу великого государя царя. *Куракин*: ведомо тебе, в какой мере были великие государи цари с свейскими королями, ссылались свейские короли с наместниками новгородскими, и теперь царскому величеству к свейскому о мире послать непригоже; а ты без нашего посла или посланника к свейскому идешь ли? *Мерик*: я готов идти или пошлю наперед себя дворянина, а потом сам пойду. *Куракин*: ручаешься ли, что свейский помирится на государевой воле? *Мерик*: свейский положился на короля нашего, и ему с государем царем как не мириться? *Куракин*: только свейский Якуба короля вашего не послушает, с великим государем по его воле не помирится, то Якуб король с великим государем на свейского заодно стоять и царскому величеству помогать станет ли? *Мерик*: если свейский не послушает и позабудет любовь короля нашего, который помирил его с датским, то он будет государю нашему недруг и король наш царю на него, *думаю*, помогать будет. *Куракин*: объяви подлинно, есть ли с тобою Якуба короля наказ, как государь ваш государю нашему против его недругов помогать хочет, когда и чем, и закрепить тебе это велено ли? *Мерик*: государь наш, Якуб король Андреевич, не только казною, всякими мерами царскому величеству помогать и всякое добро чинить хочет: он хотел послать казну и с послом царским Зюзиным, да казне его расход был большой. А после царского посла государь наш Якуб король учинил собор (парламент) с боярами своими и со всеми земскими людьми о сборе казны на его королевские расходы и на вспоможенье царскому величеству, и как я от государя своего поехал, то собор еще об этом на мере не постановил и закрепить мне о том не наказано; а какое будет царского величества у государя нашего об этом прошение, то государь наш велел мне об этом к себе написать. *Куракин*: ручаешься ли, что государь ваш вспоможенье учинит этою весною? *Мерик*: как мне ручаться? Дорога дальняя и, кроме Шведской земли, другой дороги нет. *Куракин*: ручаешься ли, что помочь учинит? *Мерик*: *думаю*, что учинит.

Еще только подав надежду на помощь, Мерик спешил представить просьбы своего короля. Иаков просил, чтоб позволено было англичанам ездить Волгою в Персию, рекою Обью в восточную Индию. "Мы думаем, - говорил Мерик, - что дорога Обью рекою отыщется и станут английские и русские люди в Индию ходить, и такие прибыли царской казне будут, каких прежде не бывало; отыскана в Индию дорога, но далеко оборачивается, в три года, это время долго! Другая просьба: нашли английские люди новую землю, слывет Гирлянъ, пуста, людей нет, а промысел - бьют китов, моржей, берут сало и зуб рыбий и иного в ней угоды много, и оленей очень много; так государь бы пожаловал, отпустил из своей отчины, Лопской земли, людей, которые умеют оленями владеть и теми промыслами, что у них в Лопской земле, промышлять по договору, сколько человек пригоже, чтоб английским людям указали; а как они там побудут и английские люди тому у них навькнут, тогда этих лопарей опять отпустят в государеву землю - за это я берусь. Потом есть в царского величества земле на реке Сухоне руда железная и оловянная, так государь бы позволил из Английской земли привезти знатцев и кузнецов: они руду найдут и станут делать, а государю от этого будет прибыль, да и русские люди выучатся сыскивать и делать и тут станут жить. Да около Вологды есть много земли пустой, болотной, ни к чему не годной; государь бы пожаловал, позволил англичанам тут своих людей привести для промысла; они станут русских людей нанимать, пашню пахать, сеять лен и полотна станут делать такие, что и за море будут ходить". Бояре отвечали, что прежде всего надобно покончить свейское дело, и Мерик отправился в Новгород для переговоров.

Мы оставили Новгород в руках шведов. Еще 25 декабря 1611 года по приговору митрополита Исидора, воеводы князя Одоевского (который за несколько месяцев перед тем получил от короля богатое поместье) и всяких людей отправлены были в Стокгольм к королю Карлу послы: Юрьева монастыря архимандрит Никандр, Благовещенского монастыря игумен Антоний, из светских - дворяне: Колычев, Боборыкин и дьяк Коншин - бить челом, чтоб король дал им в государи одного из сыновей своих, "а прежние государи наши и корень их царский от их же варяжского княженья, от Рюрика, и до великого государя Федора Ивановича был". Как мало были уверены новгородские послы в полном и общем согласии сограждан на избрание королевича и как они боялись перемены, доказывает то, что митрополит, воевода и великие люди должны были поклясться им: "Нам, митрополиту, архимандритам и игуменам, за них бога молить, а нам - боярину, дворянам и всяким людям домов их оберегать, им помогать и не выдать их, сколько милосердый бог помочи подаст". Новгородцы отправили этих послов от всего Московского государства, но мы видели, чем кончились переговоры князя Оболенского с Пожарским. Когда Москва была очищена от поляков и новгородцы опять напомнили вождам ополчения о шведском королевиче, те отвечали: "Нам теперь такого великого государственного и земского дела, не обославшись и не учиня совета и договора с казанским, астраханским, сибирским и нижегородским государствами и со всеми городами Российского царства, со всякими людьми от мала и до велика, одним учинить нельзя; и мы теперь об избрании государском и о совете, кому быть на Московском государстве, писали во все города, чтоб изо всех городов прислали к нам в Москву". Все города выбрали Михаила Феодоровича, и несчастные новгородцы стали между двух огней: отделиться от Москвы значило оторваться от всех жизненных начал; порвать связь со Швециею не было никакой возможности, ибо они были в руках Делагарди.

Карл IX умер, и в июне 1613 года преемник его Густав-Адольф прислал в Новгород грамоту, в которой извещал об отправлении брата своего Карла-Филиппа в Выборг,

куда должны явиться уполномоченные от Новгорода и от всего Российского царства для порешения дела. Новгородцы повиновались и отправили в Выборг послов бить челом королевичу, чтоб шел немедленно в Новгород. По приезде в Выборг начальник человек посольства, хутынский архимандрит Киприан, писал в Новгород, что государь королевич и его бояре, полномочные послы, сильно сердятся, что многие люди из Великого Новгорода отъезжают к ворам. "У нас что было в наказе писано, - продолжает Киприан, - и мы то исполнили, государю и полномочным великим послам много раз били челом обо всем: но государь наш королевич Карлус-Филипп Карлусович и полномочные послы нам отказывают, что государю королевичу на одно Новгородское государство не хаживать до тех пор, пока Владимирское и Московское государства с Новгородским не соединятся. Вам про то давно ведомо, что государю никак на одно Новгородское государство не хаживать, а вы пишете к нам в грамотах, велите промышлять, смотря по тамошнему делу: вы нас этими своими грамотами с государем и его боярами остужаете, а на себя худобу наводите, нам как промышлять, смотря по здешнему делу, мимо вашего наказа и ваших грамот?"

Но если затруднительно было положение Киприана и товарищей его в Выборге, то не менее затруднительно было положение новгородцев. Делагарди вышел из Новгорода, и преемник его, фельдмаршал Еверт Горн, в январе 1614 года объявил новгородцам: "Его королевское величество хочет Новгородского государства всяким людям, безо всякого льстивого отсрочения и отбегания, сполна и окончательно мысль свою откровенно объявить: хотите ль вы его королевское величество и его королевских наследников своими прямыми государями и королями иметь и почитать, его королевскому величеству и им прямую покорную верность и послушание свое оказать, присоединиться к шведской короне не как поработанные, но как особенное государство, подобно тому как Литовское государство соединено с Польским королевством? Королевское величество соизволил, чтоб вы ему и его наследникам, как великому князю Новгородского государства, непременно крест целовали, и если вседержитель бог подаст его королевскому величеству более одного сына, то одному из них быть государем и великим князем на Новгородском государстве; если же бог даст королю только одного наследника, то вы ему и его наследникам таким же образом должны крест целовать, как и нынешнему королю целуете. А если вы при своем упрямстве останетесь и короля не слушаетесь, то знайте: так как королевское величество Новгород мечом взял, когда вы ни под каким прямым государем и властью не были, и вас против ваших недругов оборонял, то он имеет право Новгородское государство за собою и за своими наследниками навеки удержать. Так как вы поддались под оборону его королевского величества и короны шведской, то вам надобно решить, как быть к московским людям, друзьями или врагами, потому что к двоим государям вам вдруг прилепиться нельзя; королевское величество хочет знать, что ему делать". Вслед за тем архимандрит Киприан известил новгородцев, что королевич Филипп уехал из Выборга в Стокгольм.

Долго новгородские начальные люди не отвечали на страшный запрос; наконец после неоднократного повторения его выпросили отсрочку, чтоб о таком великом царственном деле посоветоваться с гостями и земскими людьми и взять у всяких людей о том письмо, за их и за отцов их духовных руками. И в самом деле, пятиконецким старостам велено было немедленно спросить во всех улицах и слободах, у гостей, уличных старост, у посадских, жилецких и всяких людей; но вопрос был сделан хитро, не прямо, спрашивали: "Хотят ли целовать крест королю Густаву-Адольфу или хотят остаться при прежней присяге королевичу Филиппу?" Разумеется, все отвечали, что остаются при прежней присяге, и начальные люди

били челом Густаву-Адольфу, что все люди Новгородского государства помнят свое крестное целованье королевичу Филиппу и за его пресветлейшество везде рады головы свои положить, "о защите же, государь, от недругов, что Новгородское государство оберегать вашему королевскому величеству, в том волен бог да великий государь наш королевич, как его пресветлейшество с вашим королевским величеством о том договорится и утвердится, и нам, подданным холопам его пресветлейшества, о таком великом деле мимо великого государя своего королевича договариваться и укрепляться нельзя, потому что в Новгородском государстве и в нас, холопах своих, волен великий государь наш королевич. Бьем челом и молим ваше королевское величество со слезами, чтоб ваше королевское величество по своему природному и благонравному обычаю пожаловали, умилились над нами, велели учинить нам, всяких чинов людям Новгородского государства, по утвержденным записям, как договорился и укрепился с Новгородским государством вашего королевского величества боярин и воевода Яков Пунтусович Делагарди святым евангелием с клятвою и утвержденными записями, за руками и за печатями, что Новгородского государства, городов и уездов его под свейскую корону не подводить: а за тех бы, государь, непостоятельных и малодушных людей, которые отъехали из Новгорода к врагам, на нас, которые по своему крестному целованию верно служим, опалы и гнева не положить; те люди отъезжали из Великого Новгорода не с нашего ведома и думы; вашему королевскому величеству ведомо, что и в иных окрестных государствах изменники бывают же, и которые верные и справедливые люди, и те от государей своих не отстают и служат верно; а Владимирского и Московского государства люди сделали так не с нашего же совета: мы с ними о таком непостоятельстве не ссылались, и вперед ни о каком неприязненном деле ссылаться не станем, держимся во всем верно государя своего королевича, пресветлейшего и высокорожденного великого князя Карлуса-Филиппа Карлусовича".

Но вовсе не с такою покорностию отвечали новгородцы Эверту Горну, когда тот настаивал на присяге королю, утверждая, что королевич Филипп отказался от новгородского престола: упомянув о договоре, заключенном между ними и Делагарди, новгородцы продолжали: "После этого утверждения честные обители и святые божины церкви от немецких ратных людей разорены и разграблены, святые иконы поруганы, расколоты и пожжены, многие мощи святых из гробов выметаны и поруганы, колокола из многих монастырей и церквей, городской большой наряд и всякий вывезен в Свейское государство, и около Новгорода литовские люди, которые служат здесь королевскому величеству, уездных людей и крестьян жгут и мучат и насмерть побивают, на правеже от ваших приказных людей в налогах без сыску иные насмерть побиты, иные повесились и в воду пометались, иные изувечены и до сих пор лежат. А мы, всяких чинов люди Новгородского государства, по своему крестному целованию и утвержденным записям, во всем стояли крепко и вперед также стоять хотим за государя своего королевича непоколебимо и отдали на подмогу немецким людям все до последней деньги, оттого стали в конечной скудости и многие разбежались розно; а что для нашего греха государь наш королевич в Новгородское государство походу своего не пожаловал, не учинил, и в том воля его пресветлейшества, где он, великий государь наш, в своей отчине произволит быть, только мы, холопы его, по своему крестному целованию, его пресветлейшества держимся и служить хотим верно. Вы говорите, что нам от его королевского величества и от окрестных государей бессловесными и неблагоприятными заговорами (кукушками) слыть и гонимым быть: но мы утешаемся христовым словом: блаженни изгнани правды ради, яко тех есть царство небесное. И теперь нам мимо государя своего королевича и мимо прежней нашей записи

вельможному королю и его наследникам свейским королям креста целовать нельзя и под свейскою короною быть не хотим; хотя бы и помереть пришлось за свое крестное целование, не хотим слыть крестопреступниками, а если над нами что и сделаете за прямое наше крестное целованье, в том нам судья общий наш содетель". В то же время князь Никифор Мещерский, согласясь с немногими людьми, пришел в Хутынь монастырь к архимандриту Киприану и объявил, что надобно умереть за православную веру, а королю креста не целовать; Киприан благословил их пострадать за веру: тогда Мещерский с товарищами пошел к Горну и отказал ему впрямь: "Вы хотите души наши погубить, а нам от Московского царства не отлучаться и королю креста не целовать". Горн велел всех их рассадить за крепкую стражу и приступил к остальным новгородцам, чтоб дали решительный ответ. Для продления времени они били ему челом, чтоб позволил обослаться с Московским государством, напомнить боярам их прежнее обещание, и если они не послушаются, то новгородцы поцелуют крест королю. Горн согласился, и отправлены были в Москву хутынский архимандрит Киприан, дворяне - Яков Боборыкин и Матвей Муравьев. Послы явились к боярам и били челом о своих винах, что неволею целовали крест королевичу, а теперь хотят просить у государя, чтоб он вступился за Новгородское государство и не дал бы остальным беднякам погибнуть. Бояре донесли государю о новгородском челобитье; Михаил допустил послов к себе и велел дать им две грамоты: одну явную к митрополиту и ко всему Новгородскому государству, в ней бояре сурово отвечали новгородцам, называли их изменниками за совет покориться шведскому королевичу; другая грамота была тайная: в ней государь писал к митрополиту и ко всем людям, что он вины им все отдал. Послы возвратились, объявили ответ боярский, но тайно роздали списки с милостивой государевой грамоты. Однако тайна была открыта: думный дьяк Петр Третьяков уведомил Горна из Москвы о милостивой грамоте. Горн принял за послов, особенно потерпел много Киприан: его били на правеже до полусмерти, морили голодом и холодом.

Между тем шли военные действия: еще в марте 1613 года собор писал новоизбранному царю, что псковские воеводы, князь Хованский и Вельяминов, просят помощи против шведов, которые беспрестанно грозятся прийти под Псков из Новгорода; собор отправил к ним несколько казачьих атаманов. Но шведы осадили не Псков, а Тихвин и побили русский отряд, высланный на помощь к городу под начальством Исаака Сумбулова; государь отправил на выручку другой отряд под начальством Федора Плещеева, но в Устюжне Плещеев узнал, что тихвинцы с воеводами князем Семеном Прозоровским и Леонтьем Воронцовым-Вельяминовым отбили шведов и наряд у них взяли. В сентябре 1613 года решили действовать наступательно против Новгорода и отправили под него боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и окольного князя Данилу Ивановича Мезецкого; к ним в сход велено было идти стольнику Василию Ивановичу Бутурлину с полками, собранными в Ярославле. Воеводы стали в Бронницах, но не сумели выбрать места; и здесь в стане у Трубецкого повторились те же явления, какие мы видели в его подмосковном стане: было у них в рати нестроение великое, говорит летописец, грабежи от козаков и от всяких людей. Делая осадил воевод, сделался голод. Трубецкой с товарищами прислал к государю бить челом от имени ратных людей, что стала им от немецких людей теснота. Государь велел им от Бронниц отойти к Торжку; при этом отступлении потеряно было много людей, воеводы едва ушли пешком, Густав-Адольф сам явился в русских пределах и осенью 1614 года овладел Гдовом после двух приступов, но возвратился в Швецию с намерением начать военные действия в будущем году осадой Пскова, если до тех пор русские не согласятся на выгодный для Швеции мир. Король действительно желал этого мира,

не видя никакой выгоды для Швеции делать новые завоевания в России и даже удерживать все уже сделанные завоевания: так, он не желал удерживать Новгород, нерасположение жителей которого к шведскому подданству он хорошо знал. "Этот гордый народ, - писал он о русских, - питает закоренелую ненависть ко всем чуждым народам". Деллагарди получил от него приказание: в случае нужды, если русские будут осиливать, бросить Новгород, разоривши его. "Я гораздо больше забочусь, - писал король, - о вас и о наших добрых солдатах, чем о новгородцах". Причины, побудившие шведское правительство к миру с Москвою, высказаны в письме канцлера Оксенштирна к Горну. "Хотя у нас, - пишет Оксенштирн, - до сих пор и не обнаруживались внутренние раздоры и смуты, однако есть семена, из которых много их может родиться. Из соседей наших большая часть открытые враги, остальные неверные друзья: много у нас долгов, денег мало: во время войны поправиться нам нельзя. Король польский без крайней необходимости не откажется от прав своих на шведский престол, а наш государь не может заключить мира, прежде чем Сигизмунд признает его королем шведским: следовательно, с Польшею нечего надеяться крепкого мира или перемирия. Вести же войну в одно время и с Польшею и с Москвою не только неразумно, но и просто невозможно, во-первых, по причине могущества этих врагов, если они соединятся вместе, во-вторых, по причине датчанина, который постоянно на нашей шее. Итак, по моему мнению, надобно стараться всеми силами, чтоб заключить мир, дружбу и союз с Москвою на выгодных условиях. Москву должно привлекать к миру частью словами и письмами, частью побуждать ее оружием, сколько хватит у нас на это казны". Так и действительно поступал Густав-Адольф: с одной стороны, он задирает московское правительство о мире, другие государства о посредничестве, с другой - продолжал военные действия.

30 июня 1615 года Густав-Адольф осадил Псков, где воеводами были боярин Василий Петрович Морозов и Федор Бутурлин. У короля было 16 000 войска, в числе которого находились и русские черкасы. Первая сшибка с осажденными кончилась для шведов большою неудачею: они потеряли Еверта Горна в числе убитых. 15 августа неприятель подошел к Варламским воротам и, по совершении богослужения, начал копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и городки, малые, а подалее устроили большой город дерновый, где стоял сам король; всех городов было больше десяти, и два моста было наведено на Великой реке. Три дня с трех мест били шведы по городу, пустили 700 огненных ядер, а другим чугуном числа нет, но Псков не сдавался. 9 октября шведы повели приступ, но и он не удался. А между тем Джон Мерик хлопотал о мире; положено было решить дело на съезде уполномоченных с обеих сторон, с шведской стороны назначены были Клос Флеминг, Генрих Горн, Яков Деллагарди и Монс Мартензон, с русской - князь Данила Мезецкий и Алексей Зюзин. Будучи в Осташкове, русские уполномоченные получили от Мерика из Новгорода известие, что Густав-Адольф осадил Псков; Мерик писал: "Король в грамоте своей ко мне верно и крепко обет дал, что никакого утеснения городу Пскову не сделает, пока не узнает, что от вас, великих послов, на съезде в нынешних делах отродится; а теперь он, король, обет нарушил к своему бесчестию и к неверке, а тот его лист у меня за его рукою и печатью, и сколько я у них ни был, правды мало находил". Русские послы хлопотали, чтоб еще больше рассердить Мерика на шведов, указывали ему, что шведы в своих грамотах не величают его, как должно; Мерик отвечал на это: "Вы, господа, великие послы, мне объявляете, что свейские послы меня не по достоинству пишут: я это себе ни во что ставлю, честь мне дана от великого моего государя, а им того у меня не отнять, и не дивлюсь я, господа, тому, что они так пишут, им на меня не любо: как им случится говорить про царское величество и про вас, великих послов, и про нынешнее дело

непригоже, то я их встречаю прямою правдою, и самому королю в том я не молчал, так ему за то на меня и не любо стало; но я знаю, от кого я послан, и не постыжусь правду говорить. Они показывают вид, будто радеют о нынешнем добром деле: как бог принесет нас к съезжему месту, то их раденье объявится; а мое раденье и промысел бог видит: на этом свете ничего больше не желаю, как только чтоб это дело к доброму концу пришло".

Началась предварительная переписка между уполномоченными, из которых русские люди жили в Осташкове, а шведские в Новгороде, пошли споры о титулах: шведы писали Михаила только великим князем и сердились, зачем он называется лифляндским и новгородским; они писали Мезецкому и Зюзину: "Даем вам знать, что вы наполнены прежнею спесью и не подумаете, каков наш король родством против вашего великого князя: наш король прирожденный королевский сын, а ваш великий князь не царский сын и не наследник Российскому государству; тотчас после смерти царя Федора не посадили его на престол, а после Дмитриевой смерти взяли Василия Ивановича Шуйского, потом королевича польского". На это русские послы отвечали бранью, приводили примеры из священной и римской истории, что бог избирал царей славных не от царского корня, писали, что все русские люди от мала до велика за честь государеву готовы против шведов стоять и мстить, "а не так, как у вас делается в Свее: половина государю вашему доброхотает, а другая - польскому Жигимонту королю, а иные арцуку (герцогу) Ягану. И вы такие непригожие воровские слова про помазанников божиих оставьте". Шведские послы получили эту грамоту уже на дороге из Новгорода к съезжему месту, рассердились и объявили Мерику, что дальше не поедут; Мерик писал Мезецкому, что никакими мерами и разговорами их унять нельзя. Наконец он их унял, и уговорились: быть съезду в поместье Хвостова, в сельце Дедерине, где стоять английскому послу; царским послам стоять на Песках, а шведским в Селищах; съезжаться у английского посла. Явились еще посредники: голландские послы Рейнгоут Ван Бредероде, Дирк Бас, Альбрехт Иоахим и Антон Гетеерис, последний оставил нам описание этого посольства, замечательное для нас по изображению тогдашнего состояния Московского государства. На пути из Ревеля в Новгород послы должны были проезжать через страну, опустошенную козаками, нигде не находили селений, почти всегда должны были ночевать в лесу, иногда только, по счастью, отыскивали где-нибудь полуразрушенный монастырь. Из Новгорода отправились они в Старую Русу, которую нашли в самом жалком положении. Но все претерпенные ими до сих пор затруднения и неприятности были ничтожны в сравнении с теми, какие они должны были выносить на пути из Старой Русы: несколько раз подламывался под ними лед на реке (это было в ноябре), люди и вещи падали в воду, и, чтоб высушиться, надобно было зажигать на берегу опустелые избы. Ночевали в опустошенных деревнях; чтоб войти в избу, должно было прежде вытаскать из нее трупы прежних ее жителей, побитых козаками; но отвратительный запах выгонял голландцев из избы, и они должны были ночевать на морозе. Мерику очень не понравился приезд этих новых посредников: сначала он наговаривал русским послам и царю, что голландцы приехали не для того, чтоб радеть Москве, но потом объявил, что они будут с ним вместе и будут ему во всем послушны. Царь в своей грамоте к Мерику настаивал на том, что Густав-Адольф, не сдержав своего обещания, не слушая представления его, Мерика, обесчестил Якуба короля; царь упрашивал Ивана Ульяновича (Мерика), чтоб он шведам их неправды выговаривал и побуждал их к доброму делу.

Дедеринские переговоры начались 4 января 1616 г., начались спором, потому что шведские послы называли Густава-Адольфа корельским и представляли, что Корела

была отдана шведам еще при Шуйском; это, разумеется, повело к спору о том, имеют ли право шведы удерживать уступку Шуйского после поведения их под Клушином. Шведы жаловались на Шуйского, что он не платил им выговоренных денег, выставляли свои заслуги в битвах против литвы и тушинцев. Русские возражали, что против литвы воевали не один Делагарди и немецкие люди, больше было в то время с князем Михаилом Васильевичем русских людей и промысл весь был князя Михаила. Делагарди отвечал на это: "Вы говорите, что не одним мною и шведскими людьми города очищались и польских людей побивали, а были с князем Михаилом Васильевичем многие русские рати, так скажите нам, которых городов дворяне и дети боярские с князем Михаилом Васильевичем были?" *Мезецкий*: было князю Михаилу с кем города очищать и с польскими людьми биться: были стряпчие, стольники и дворяне из городов, новгородцы, смоляне, дорогобужане, вязмичи и иных городов дворяне. *Делагарди*: с князем Михаилом было 15 человек дворян; когда смоляне пришли в Тверь, то я начал биться с литвою, а смоляне и других городов дворяне побежали. Шведы одни пошли к Колязину, разбили литву, завладели Александровской слободой, выручили этим Москву. *Мезецкий*: при Колязине шведов было немного, и князь Михаил Васильевич платил им хорошо, а вор бежал потому, что царь Василий посылал на него воевод своих и бояр. *Делагарди*: назовите хотя кого-нибудь из русских, кто бы ранен был в этих битвах? А за мою службу царь Василий мог бы не только давать наем по договору, но и дарить многими подарками, служил я ему прямо, как своему прирожденному государю. *Мезецкий*: воевали бояре, князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи, а кто ранен или убит, как наизусть упомянуть? Наемные деньги были вам выплачены, тебя же, Якова, капитанов, ротмистров и дьяка Моншу царь Василий, сверх найму, жаловал из своей царской казны дорогими соболями, запонами, сосудами и платьем да и к государю вашему Карлусу свейскому царь дорогие подарки посылал. А когда царь послал брата своего, князя Дмитрия, и тебя на польских людей под Смоленск, то выплатил тебе сполна вперед за два месяца, и ты тех денег ратным людям не дал, а хотел дать после боя: которых людей побьют, и ты их деньгами хотел корыстоваться, Еверт Горн изменил, и ты, Яков, делал неправдою, отъехал к Жолкевскому и воевал против боярина князя Дмитрия Ивановича Шуйского. *Делагарди*: изменили не шведы, а немцы. Вы нас, чужеземцев, называете изменниками, а где ваша правда? Государя своего с государства ссадили, постригли и в Литву отдали! Когда мы на поляков выходили, то царь Василий призвал меня к себе в комнату, и я ему говорил, чтоб он велел дать ратным людям наем сполна и этим к службе их приохотил, а только им найму не дать и от них чаять всякого дурна; царь говорил, что деньги за мною вышлет в Можайск, и не прислал; был в то время у царя Василья в комнате дьяк Телепнев, он свидетель. *Мезецкий*: казна отдана была тебе при мне в селе Мышкине перед боем: а хотя и одни немцы изменили, то все же твоя вина, потому что царь Василий во всем верил тебе. А что ты говоришь, что мы государя своего ссадили, то царь Василий сам царство оставил, а потом Жолкевский его постриг; и только бы немецкие люди не изменили, и ты б того не похотел, то тебе было идти к царю Василию в Москву, а не к Новгороду. *Делагарди*: знаю я, что со многими дьяками казна за князем Дмитрием и за мною была прислана и мне ее объявили, только я ею не корыстовался, самого меня ограбили донага, все это сделалось не Горновой изменой и не моею неправдою, а потому что князь Дмитрий пошел из Можайска в самые жаркие дни и шел со всей ратью наспех до Клушина сорок верст, ратные люди и под ними лошади истомились, а иные остались назади; и князь Дмитрий, не дождавшись остальных людей, стал на стану, не укрепясь, а знал, что неприятель перед ним. Немецкие люди, которым найму не дали, были шатки, и только бы они все не рассержены были за неплатеж денег, то они бы не изменили. А к царю Василию с того разгрома я не поехал,

потому что был ограблен и остался сам-осьм, к князю Дмитрию было приехать не с кем; а с дороги я посылал к царю Василию двух немцев сказать, что, собравшись, опять к нему приду на помощь; царь Василий с этими немцами ко мне писал, чтоб я собирался в Новгородском уезде, брал там людские и конские кормы и, собравшись, шел бы к нему на помощь; но мне кормов давать не стали. Деллагарди сильно рассердил русских послов, сказавши: "Князь Иван Никитич Одоевский и всяких чинов люди крест королевичу Карлу целовали; и вам бы теперь в том своем приговоре устоять и королевича Карла Филиппа на Московское государство принять". Мезецкий отвечал ему: "Что ты за бездельное дело затеваешь? Мы королевича не хотим, да и сам государь ваш к боярам писал, что, кроме московских родов, никого на Московское государство из иноземцев не выбирать, а кого государем выберут, и он, король, с ним будет в дружбе и любви, да и сами вы нам про то объявили: и только вперед станете об этом говорить, то нам не слушать". Деллагарди: бояре и воеводы били челом о королевиче в Ярославле? Мезецкий: говорить об этом непригоже: делалось это без ведома всей земли. - С сердцем русские послы встали из-за стола; *третьи*, т. е. английские и голландские послы, начали говорить: "Дела никакого доброго от вас в зачине не бывало, и вам бы такие безмерные дела и несходительные слова оставить". Русские и шведы по привычке и в жару спора могли и не чувствовать стужи, сидя в январе месяце в шатре, но сильно чувствовали ее *третьи* и потому объявили, что вперед в шатрах съезжаться нельзя, предложили съезжаться на квартире английского посла: двор был разгорожен надвое, и положили, чтоб с переднего входа приходили русские, а с заднего - шведские послы; столы и скамьи были поставлены так же, как и в шатре: с большого двора, с приезда, скамьи государевым послам, а от задней стены, против него, - шведским, *третьим* - столы и скамьи по конец государева стола, против комнатных дверей.

На съезде 5 января русские послы приступили к делу, потребовали от шведов, чтоб они объявили, как их государь приказал о вековечной вотчине великого государя царя, о Новгороде, Старой Русе, Порхове, Ладоге, Иван-городе, Яме, Копорье, Гдове. Деллагарди отвечал, что еще не кончены переговоры о главном деле: не только что Новгород с пригородами за королевичем Филиппом, выбран он и на все Владимирское и Московское государства. Мезецкий отвечал, что они об этом ни говорить, ни слушать не хотят: "У нас теперь царем Михаил Феодорович, он учинил у нас мир, покой и соединенье, все великие государи ищут его дружбы и любви, и вам бы непригожие слова о королевиче Филиппе оставить, а мы о нем и слушать не хотим. Вы Новгород взяли обманом; ты, Яков, на чем крест целовал Новгороду, ничего не исправил; бояре королевича не выбирали, а если и было какое письмо к вам от кого-нибудь без совету всей земли, то ему верить было нечего". Говорили послы между собою сердито, с бранью, хотели разъехаться. *Третьи* уговаривали их, чтоб не сердились, и сказали русским послам: "Мы уговаривали шведских послов не поминать о королевиче, потому что это дело уже минулось, и вперед станем их уговаривать, только они упрямятся". Мезецкий отвечал им: "Как им не стыдно говорить о королевиче Филиппе Карлусовиче, да и вам как не стыдно говорить о нем: присланы вы к великому государю Михаилу Феодоровичу для мирного постановления, а не о королевиче Филиппе говорить; услыша такие несхожие слова и помня государей своих приказ, вы шведским послам о таком деле не молчали бы, что они, оставя великие дела, говорят безделье". Говорил это Мезецкий голландским послам с пенями и с вычетом сердито. Поговорив со шведами, *третьи* объявили русским, что Деллагарди с товарищами не станут говорить о королевиче Филиппе, но чтоб русские уступили королю Новгород с пригородами, которые целовали крест королевичу. Мезецкий отвечал, что они пяди земли из отчины государевой не

уступят. Третьи продолжали: "Мы станем говорить шведским послам, чтоб они многие меры оставили, а поискали бы, как привести дело к доброму концу; да и вам бы то же сделать".

Как русских послов сердили речи шведских о королевиче Филиппе, так шведских сердило требование русских, чтоб король уступил царю Лифляндию. На съезде 7 января, услышав это требование, шведы встали из-за стола и сказали: "Если б мы знали, что вы и теперь про лифляндские города будете поминать, то мы бы и на съезд не поехали, то и был бы у нас разрыв". Третьи уняли их; шведы опять уселись и опять начали говорить о королевиче Филиппе; русские по-прежнему рассердились: наконец шведы обещались не говорить о королевиче, и начались толки об уступке земель. Русские требовали возвращения лифляндских городов и Новгорода, потому что все это изначала отчина великих государей российских: шведы отвечали: "Не только что Лифляндская земля отчина государя вашего, но и Новгородом недавно вы начали владеть, а Лифляндскою землею московские государи завладели неправдою, и за то бог им месть воздал..." *Русские*: Лифляндия за нами от прародителей государей наших, от государя Георгия Ярослава Владимировича, который построил Юрьев Ливонский в свое имя; а Новгородское государство было за российскими государями во времена Рюрика и ни за кем, кроме российских царей, не бывало. *Шведы*: видали ль вы Юрьев Ливонский? Ливонских городов вам за государем своим не видать, как ушей своих. *Русские*: вы так говорите, снимая помощь с бога: а мы, прося у бога милости, будем доискиваться своего; не отдадите без крови - отдадите с кровью. *Шведы*: оставьте говорить высокие слова: Лисовский не бог знает кто, обычный человек, и тот с невеликими людьми прошел все Московское государство; рати ваши, русские и татарские, мы знаем. *Русские*: вы наши рати знаете, а помните, как ваш государь нашему государю Феодору Ивановичу отдал города Иван-город, Копорье и другие, и когда государь наш велел стрелять по Ругодиву (Нарве), то немцы ваши все тотчас замахали с города шляпами и били челом, чтоб государь кровь их пролить не велел; а когда государь послал князя Федора Ивановича Мстиславского, то помогает, а не в правде сокрушает". Третьи прекратили этот спор. И нигде тогда нашим людям ваши люди противны не были: так государю вашему надобно того остерегаться: в правде всякому бог помогает, а не в правде сокрушает". Третьи прекратили этот спор: "С обеих сторон, - говорили они, - надобно доброго дела искать, чтоб ближе к миру и покою, а в таких великих спорных словах доброго дела не будет..." Но спор не прекратился: Делагарди начал толковать, что царь Василий не выплатил шведам денег; русские послы возражали ему, что деньги были заплачены, и если б Делагарди не изменил при Клушине, то поляки не овладели бы царскою казною. Делагарди отвечал: "Эти вам убытки от самих себя; и теперь если подружитесь с поляками и возьмете на нас литовских людей тысяч с десять или двенадцать, то они у вас опять Москву отнимут". Русские говорили: "Что вы нам польских людей в дружбу причитаете?"; называли Делагарди изменником и спрашивали, зачем он после Клушинской битвы не шел в Москву к царю Василию. Делагарди отвечал: "Там бы и меня постригли с ним вместе".

Наконец повели дело об уступке городов; русские послы говорили Мерику, можно ли ему заговорить Якову Делагарди, чтоб теперь государю города все отдал и очистил вскоре, а после захочет выехать на государево имя, то государь его пожалует, велит дать ему город или место великое в вотчину и велит жить ему на покое, как захочет, да, сверх того, пожалует, чего у него и на мысли нет. Мерик отклонил от себя это поручение, отвечал, что не смеет в этом положиться на Якова. Шведы уступали все занятые ими места, кроме Корелы, и за уступленное требовали 40 бочек золота, а в бочке по 100 000 цесарских ефимков; если же государь денег

дать не захочет, то пусть уступит Иван-город, Орешек, Яму, Копорье и Сумерскую волость. Русские отдавали Корелу и 70 000 рублей, потом надбавили до 100 000. Дело протянулось за половину февраля, приблизилось время распутицы, шведы объявили, что им есть нечего и потому уезжают. 22 февраля заключили перемирие от этого числа до 31 мая, чтоб в это время между обоими государствами войне и задорам никаким не быть, а к 31 мая съехаться великим послам между Тихвином и Ладогою.

По истечении срока московские послы, те же самые, что были в Дедерине, отправились в Тихвин, шведские жили в Ладоге, третьим был теперь один Мерик, потому что голландцы не явились. Послы пересылались грамотами и гонцами с 12 июня до 18 сентября, русские звали шведов на съезд, но те не ехали и объявили Мерику: если им не будет окончательного ответа на статьи их, заданные в Дедерине, то они на съезд не поедут. 25 сентября Мерик поехал в Ладогу к шведским послам: по наказу он должен был уступить Иван-город, Ямы, Копорье и придачу 100 000 денег, но крепко стоять за Орешек и за погосты, которые по его сторону Невы, заневские же погосты и Сумерскую волость мог уступить; если шведы никак не согласятся отдать Орешек, то за него пусть дадут Копорье и четыре погоста, которые по сю сторону Невы, да Сумерскую волость; в крайности требовать только Сумерской волости и четырех погостов, хлопотать о мире, чтобы шведы не исполнили своей угрозы, не разорили св. Софии, и новгородцы не целовали креста королю с великой бедности: наконец Мерику позволено было за Сумерскую волость и четыре погоста дать 100 000 рублей. Шведы не соглашались, а между тем царь писал своим послам: "С шведскими послами никак ни за чем не разрывать, ссылайтесь с ними тайно, царским жалованьем их обнадеживайте, сулите и дайте что-нибудь, чтоб они доброхотали, делайте, не мешкая, для литовского дела и для истомы ратных людей, ни под каким видом не разорвите". С другой стороны приходили вести, что приступ русских к шведскому острожку под Псковом не удался, что в Новгороде утеснение от толмача Ирика Андреева, от Гриши Собакина и от Томилки Присталцова, правежи великие: кто, не перетерпя правежа, крест поцелует королю, на тех не правят ничего, а ссылают с женами и детьми в Иван-город, ивангородцы же королю прямо крест целовали и на них не правят ничего, а новгородцам всем, не перетерпя муки, целовать крест королю. Мерик предлагал шведам поделить: два погоста по сю сторону Невы им, а два - русским, которые заплатят за них 10 000 рублей; но шведам нужна была вся Нева, и потому они не соглашались или требовали невозможного - за два погоста 100 000 рублей. Наконец Мерик договорился: в царскую сторону - Новгород, Руса, Порхов, Гдов, Ладога со всем уездом и Сумерская волость; в королевскую сторону - Иван-город, Ямы, Копорье, Орешек со всем уездом и 20000 рублей денег; Гдов, Ладога и Сумерская волость останутся за шведами до тех пор, пока города размежут и государи закрепят договор крестным целованием.

Порешивши на этом с Мериком, шведские послы в конце декабря приехали на съезд в назначенное место, которым было на этот раз Столбово. Но и тут начались споры: русские послы требовали, чтоб шведы не брали городов в заклад до утверждения мира, шведы не соглашались. В это время к московским послам явились пятиконецкие старосты новгородские тайно и били челом со слезами, что в Новгороде жилецких всяких людей немцы в солдатских кормах и подводах побивают насмерть, а откупиться им уже нечем; только дело продлится, и они думают, что шведы примутся за Софийскую казну и за церковное строение: так им бы, государевым послам, со шведскими послами мирное постановление совершить поскорее, и пока договор станется, послы дали бы им государевой казны на выкуп,

чем им откупиться от правей хотя на полмесяца, и как царскому величеству бог очистит Великий Новгород, то они государю те деньги заплатят; а только у государевых послов с шведскими дело продлится, то им поневоле идти в королевскую сторону. Послы отвечали, чтоб они попомнили бога и свои души: хотя им от немцев в солдатских кормах и иных податях какое утеснение и есть, то им бы малое время потерпеть и многолетнего своего терпения и мучения одним часом не потерять; а они, послы, станут говорить английскому послу, чтоб уговорил шведов Новгороду утеснения не делать. Кончились споры о закладных городах; русские послы стали требовать, чтоб из уступленных шведам городов было отпущено духовенство; шведы соглашались выпустить только монахов, а не белых священников, ибо в таком случае останутся у них только одни стены: русским людям как без отцов духовных быть? Русские послы настаивали, чтоб внесено было условие: Москве и Швеции на польского короля стоять заодно, но шведы не согласились. Осталось еще два затруднения: шведские послы требовали, чтоб королю их писаться ижерским и чтоб для окончательного скрепления договора царь отправил своих послов к английскому королю, который должен к договору приложить свою руку и привесить печать; русские никак на это не соглашались, а шведы без этого не хотели съезжаться и грозились уехать в Ладугу. Наконец 19 февраля 1617 года шведы согласились не требовать ручательства английского короля и написать договор с короткими титулами, с условием, однако, что если государи пожелают внести в договорную грамоту полные титулы, то в титуле шведского короля будет название: ижерский. 27 февраля написан был договор вечного мира: шведы обязались отдать и очистить Великий Новгород, Старую Русу, Порхов с их уездами и Сумерскую волость, в присутствии Мерика или назначенных от него дворян, две недели спустя после того, как договор будет утвержден великими послами; три недели спустя будет отдана и очищена Ладога с уездом, причем шведы обязаны никаких русских людей не выводить, насильства им и грабежа не чинить и наряды не вывозить, а Гдову с уездом и людьми побыть в стороне короля Густава-Адольфа на время, пока договор будет утвержден королевскою клятвою и царским крестным целованьем, межи уложены и прямо размежеваны будут и послы от обеих государей с добрым довершенным делом назад до рубежа дойдут. Всем монахам с их имением, также всем дворянам, детям боярским и посадским людям с женами, детьми, домочадцами и всем имением вольно выходить в царского величества сторону в продолжение двух недель от утверждения договора в Столбове, но все уездные попы и пашенные люди в уступленных королю городах и уездах должны остаться и жить под Свейскою короною, равно те дворяне, дети боярские и посадские люди, которые не выйдут в продолжение двух недель. Королю Густаву Адольфу взять у царя Михаила Феодоровича 20 000 рублей деньгами готовыми, добрыми, ходячими, безобманными серебряными новгородскими; тотчас как скоро мирное постановление между послами совершится, деньги эти отдаст шведским послам великий посол короля английского Джон Мерик. Пушки, воинский запас, колокола и все другое, что вывезено из русских городов, взятых королем до 20 ноября, остается за шведами; но тот наряд, который теперь в городах, возвращенных царю, там и остается. Для размежевания границ к 1 июня 1617 года должны съехаться полномочные послы, по три человека с обеих сторон, между Орешком и Ладогою, на устье реки Лавуи в Ладожское озеро, на этой реке среди моста, а к 1 июля съехаться другим послам на рубеже между Корельским уездом Соломенского погоста и Новгородского уезда Олонецкого погоста, у Ладожского озера; этим межевальным послам прежде дружного окончания дела не разъезжаться. Царь Михаил Феодорович отказывается от всякого права на Лифляндскую землю и Корелу и от титула в пользу шведского короля и его потомков. Торговля должна быть вольная и беспомешная между

обоими государствами всюду; шведские купцы получают прежние дворы свои в Новгороде, Москве и Пскове, где вольно им отправлять свое богослужение в хоромех, а церковей по своей вере не ставить; русским же купцам отдается их двор в Кольвани, также даются им дворы в Стокгольме и Выборге; в этих городах они отправляют свое богослужение в хоромех, а в Кольвани имеют церковь, как исстари было. Старые долги купцам с обеих сторон выплачиваются. Послам, посланникам и гонцам шведским вольно через земли Московского государства ездить в Персию, Турцию, Крым и другие страны, которые в мире с царским величеством, но торговых людей с товарами с собою не возить; также русским послам, посланникам и гонцам вольно ездить через Швецию к Римскому царству, в Великую Британию, во Французское королевство, в Испанию, Датскую, Голландскую и Нидерландскую земли и другие страны, которые с королем в мире, а торговых людей с товарами не возить. Все пленники с обеих сторон освобождаются на рубеже без всякого окупа; которые же захотят добровольно остаться, таким воля. С обеих сторон подданных не подзывать и не подговаривать; перебежчиков выдавать. Из-за порубежных ссор и досадительств мира не нарушать, ссоры эти решаются на рубеже тамошними воеводами, а которые поважнее, отсрочиваются до посольского съезда. К 1 числу будущего июня на прямом рубежном разделении, между Орешком и Ладогою, на реке Лавуе съехаться великим полномочным послам обоих государств, показать и дать прочесть друг другу подтвержденные грамоты, потом взять друг у друга прямые с них списки, а подлинные отдать назад и идти шведским послам в Москву, а московским - в Стокгольм для окончательного подтверждения. Если корабли или суда подданных обоих государств разобьет бурей и принесет к берегу или Соленого моря, или Ладожского озера, то их отпускать без замешки со всем имением, которое сберегут, а прибрежным людям им помогать и беречь их имение. Королю польскому и его сыну друг на друга не помогать и другими государями не умышлять и не подыскивать.

5 марта великие послы прислали в Новгород царскую грамоту с известием о заключении мира: царь писал, что "отторженную искони вечную нашу отчину Великий Новгород со всеми вами, православными христианами, опять нам, великому прирожденному христианскому государю, в руки бог дал: шведский король ее нам отдал, а вас милосердый бог от таких нестерпимых бед и от иноверцев тем нашим царским о вас многим промыслом и беспрестанным попечением освободил и вместо скорбей, бед и зол благое, полезное и радостное вам подает, что уже и сами видите подлинно. И вы бы, видя такую неизреченную милость Божию и наше царское к себе призрение, молили бога о нашем здравии, об отце нашем и матери и о всем государстве, и нашего царского жалованья ожидали к себе с радостью; а пока отчину нашу Великий Новгород очистят и шведских людей выведут, вы бы стояли крепко и мужественно. Ты бы, богомолец наш, митрополит, и весь духовный чин, православных христиан утверждали, чтоб жили в Новгороде, на нашу царскую милость были надежны, шведским людям не передавались и в сторону не ходили: мы во всем всех жаловать и льготить хотим, и деньги, что дать за вас за всех шведским послам, мы собрали и к великим послам прислали, и ни за чем уже нашему делу на съезде замедленья не будет. А которые русские люди немецким людям прямили и на русских людей посягали или у которых дворян и детей боярских поместья и вотчины в тех городах, которые остались за шведским, или вновь кому шведский король или Яков Пунтусов в тех городах или в своих поместьях и вотчины подавал, вы бы и тех уговаривали и нашим жалованьем обнадеживали, чтоб они попомнили православную веру и нас, природного христианского государя, родителей своих гробы и свою природу, к иноверцам немецким людям не приставали, были на нашу милость надежны и своей бы братьи, православных

христиан, не смущали, того бы греха на свои души не брали, к немцам никого не презывали и сами из Новгорода в Колывань и в другие города, которые остаются за шведским, жить не ходили, всякую боязнь нашей царской опалы оставили: если чья и вина была, то мы ни на ком не поищем, все вины покроем нашим царским милосердием, тем дворянам и детям боярским, у которых поместья и вотчины в шведских городах, пожалуем за них поместья и вотчины в наших городах и, сверх того, станем их жаловать нашим царским жалованьем. Сами мы знаем подлинно, кто что ни делал, делал от боязни немецких людей, боясь смертного убийства, грабежа и разоренья: были в их руках, то как было воли их не творить и им не служить? Никто б ни в чем нашей опалы не опасался, все бы, от мала до велика, были на нашу царскую милость надежны; мы Великий Новгород от неверных для того освободили, чтоб вас всех, православных христиан, видеть в нашем царском жалованье попрежнему, а не для того, чтоб наши царские опалы на кого-нибудь класть. Ни на какую прелесть шведских людей вам бы не прельщаться: теперь в чем-нибудь помянут, посулят или дадут, чтоб от нашей царской милости отвести и в свои города под свою власть привести; но вперед от них всякого лиха и насильств не миновать, сами вы все это знаете. Да кроме того, за отступление от истинной христианской веры и от нас, прирожденного государя своего, от своей единокровной братьи и прародительских гробов, душами своими от бога навеки погибнуть, и хотя после в раскаяние и придут, но помощи себе никакой уже не получат".

Через две недели по заключении договора Новгород был очищен, и 14 марта великие послы, Мезецкий и Зюзин, вошли в него с чудотворною иконою богородицы, взятой из Хутыня монастыря; за полверсты от города икону встретил митрополит Исидор с крестным ходом и со всем народом, с великим слезным рыданием и радостию; когда вошли все в Софийский собор, то послы митрополиту и всем людям государево милостивое слово сказали, о здоровье их от государя спрашивали и подали грамоту, в которой государь писал: "О вас, богомольце нашем Исидоре митрополите, слышали мы от истинных сказателей, о вашем благоподвизательном страдании и о исправительном словесному стаду пастырстве, как вы за православную веру и за христианские души много раз многоболезненными постами и страданиями подвизались, многие ереси и неправды обличали, христианские души к свету благоразумия наставляли: многие христианские души, отпадшие от православной веры, которых насильники германского рода приводили к крестному целованию на королевское имя, прочих же в свою землю идти прельщали и понуждали, ты, добрый пастырь, со всем освященным чином, простерши духовную мрежу, уловили в нетленное благоразумие, многих своим учительством и наказанием душевно освободили, и это ваше о христианских душах многое попечение и усердие и страдание не будет забвенно пред богом. А вас, дворян, дьяков, детей боярских, гостей и всяких людей Новгородского государства, за ваши терпенья и скорби хотим жаловать, всякого по достоинству; вас, гостей, торговых, посадских и уездных людей, льготить во всем хотим, смотря по вашему разоренью и бедности. А которые люди, будучи у свейских людей, им доброхотали и служили и во всем были им покорны, и волю их творили волею и неволею, и тех по нашему царскому милостивому нраву жаловать хотим, никто бы ничего от нас не опасался; как было, будучи у свейских людей в руках, воли их не творить?"

За новгородскую службу, что немецкие послы Новгород отдали, государь пожаловал князю Мезецкому боярство, Зюзину - окольничество из дворян. Оставалось трудное дело - удовлетворить третьего, англичанина Мерика, за его труды при заключении мира. Боярин Федор Иванович Шереметев, назначенный быть с ним в ответе, говорил ему от имени государя: "Ты, князь Иван, по наказу брата нашего

любительного Якуба короля, будучи на съезде, нам, великому государю, служил, о наших делах радел и промышлял и с нашими послами советовал, как бы нашему царскому имени было к чести и к повышенью, и мы брату нашему любительному за ту его любовь и дружбу будем нашею царскою любовию и дружбою также воздавать, как нашему царскому величеству будет возможно. А тебя за твою службу и раденье похваляем и нашим жалованьем жаловать тебя хотим против твоей к нам службы и к брату нашему любительному о той твоей службе и раденье отпишем и вперед ту твою службу и раденье учиним памятными вовеки". Мерик возобновил прежнюю просьбу, чтоб позволено было английским купцам ездить Волгою в Персию. Шереметев отвечал: "Наши русские торговые люди оскудели, теперь они у Архангельска покупают у англичан товары, сукна, возят их в Астрахань и продают там кизиль-башам (персиянам), меняют на их товары, отчего им прибыль и казне прибыль; а станут англичане прямо ездить в Персию, то они у Архангельска русским людям продавать своих товаров не будут, повезут их прямо в Персию, и кизиль-баша с своими товарами в Астрахань ездить не станут, будут торговать с англичанами у себя. Да и потому нельзя: шах за Иверскую землю на государя досадует, и в тех местах, через которые надобно проходить в Персию, война - воюет персидский с турецким; да и по Волге проезд страшен, кочуют Большие ногаи; и это дело надобно теперь отложить до другого времени, пока государь с польским королем управится. Московское государство от многих убытков поисправится, и у шаха с государем, а у турского с шахом мир станет". Мерик возражал, что русским торговым людям будет прибыль, захотят с английскими торговыми людьми торговать сообща, то англичане государевых людей станут ссужать товаром, смотря по людям и по промыслам, на тысячу, две, шесть тысяч и больше без росту; которыми товарами государевы люди станут торговать с персидскими людьми, теми товарами англичане торговать не будут: известное дело, где больше съезду торговым людям, тут больше товаров и таможенных пошлин, и все дешевле: ведь из Английской земли ходить в Персию, а из Персии в Английскую землю государевою землею. Бояре говорят, что путь страшен, но английские купцы скоро не сберутся, пройдет год, другой, и пойдут, когда государь прикажет, только бы государь дал теперь жалованную грамоту. Бояре отвечали, что англичане русским людям своих товаров продавать не станут, а хотя и станут, то цену положат вдвое или втрое; отговаривали бояре всякими мерами, но отговорить не могли: спросили о подробностях, как будут торговать англичане с Персиею, и Мерик обещал прислать все на письме.

Потом князь Иван Ульянович стал просить позволения отыскать Обью рекою ходу в Индию и Китай. Бояре отвечали, что Сибирь далеко, до первых городов с полгода ходу, и то зимою; сами туземцы не знают, откуда Обь река вышла и куда вошла, сторона та самая студеная, больше двух месяцев тепла никак не живет, а на Оби всегда лед ходит, никакими судами пройти нельзя, а вверх по Оби, где потеплее, там многие кочевые орды; про Китайское государство сказывают, что не великое и не богатое, добиваться к нему нечего. Государь из дружбы к Якубу королю пошлет в сибирские города нарочного к воеводам, велит проведать, откуда Обь-река вышла, куда пошла, в какое море, какими судами можно по ней ходить, какие орды у верховья Оби, какие реки в нее впали, где Китайское государство и как богато, есть ли чего добиваться, а теперь, не зная про то подлинно, как о том говорить и делать? Бояре и по этому делу спрашивали подробностей, как англичане будут в Индию ходить? Мерик обещал отвечать на письме. На просьбу его дать лопарей в Новую землю государь согласился. Потом Мерик просил, чтоб смолу не отпускали за море никуда, даже и в Англию, потому что от вывоза смола вздорожала и англичанам в судовой поделке убытки большие: просил позволения англичанам брать алебастр,

находящийся в 150 верстах от Холмогор; просил, чтоб между прочими иноземцами не ссылали в Казань некоторых англичан; на это бояре отвечали ему, что их ссылают не в опале, а потому что в Москве дороговизна большая, а в Казани все дешево, и им там будет жить гораздо удобнее. Мерик бил челом также, чтоб отпустили домой английского дворянина Астона, который болен от ран, и на его месте будет служить сын его: бояре отвечали, что издавна повелось из государевой службы никого не отпускать, а здесь князь Артемий Астон пожалован всем по его достоинству; Мерик бил челом, чтоб отпустили по крайней мере жену его, потому что у них уже больше детей не будет; бояре отвечали: неслыханно, чтоб мужа с женой развести. Наконец Мерик бил челом на голландского посланника, Исака Аврамова: приходил на английский двор брат Исака Аврамова торговать сукна, слово за слово с англичанами разбрался и в той брани непригожее слово молвил про государя их Якуба короля, применил его к себе, сказал: "Король ваш все равно, что я: и он человек, и я человек". Ему, князю Ивану, за великую кручину, что такой мужик про такого великого государя такое непригожее слово молвил, только бы такое слово он молвил в их земле, то никак бы виселицы не избыл. Бояре отвечали: царскому величеству о том известно, царское величество о том кручинился, пришел он в большой гнев, что такой мужик, неведомо кто, про такого великого государя такое непригожее слово говорил; царское величество велел выговорить за это с великою кручиною, и дьяк Романчуков Исаку Аврамову говорил, что он в Нидерландской земле самый последний худой человек, брат же его - хуже и не сыскать, и про такого великого государя такое слово молвил, из этого и видно, что они люди худые, ничего не знают. Исак в том винулся, говорил, что брат его сдуровал простотою, и он за то брата своего бранил и бил.

Мерик удовольствовался и спустя несколько времени подал обещанное письмо о том, как ездить англичанам в Персию: ездить им из Архангельска до Ярославля сухим путем, а оттуда - по Волге; суда делать близ Устюжны Железной, и прежде здесь же делали, и лес к тому годный здесь есть, царь Иван Васильевич волю им в том лесе дал; для волжского хода англичане будут делать струги крытые, а для морского - корабль, спустят из Ярославля корабль на низ весною, в полоую воду; мастер корабельный будет англичанин, плотники - русские, наемные; для обороны на Волге привезут наряду, пищалей, пороху, свинцу и ядер. При царе Иване Васильевиче, когда английские гости шли в Персию мимо Астрахани, Астрахань была осаждена турскими людьми, и англичане, человек 100, заодно с русскими службу свою показали, и царское величество службу их гораздо похвалил. Мерик выставлял на вид, что английские купцы никогда не торгуют в розницу и не отнимают промыслу у русских купцов, как то делают голландцы, которые не только сами продают товары свои врознь, но еще посылают товары свои мелким обычаем по всему Московскому государству и тем у подданных царского величества хлеб из рта вырывают, за что при царе Феодоре им не велено было ездить дальше Архангельска. Что касается до проезда в Китай, то дорога на восток и к полуночи русским людям очень известна, они дальше Енисея ходили, об этом письмо было дано бывшему царю Борису Федоровичу; у него, Мерика, есть письмо о том же, только не переведено. Наконец Мерик объяснял, почему не должно допускать вывоза смолы: если смолу повезут за море, то и пеньку туда же посылать, и царского величества людям никакой прибыли из того не будет, государи и власти не позволяют товар неизготовленный и неисправленный из своей земли отпускать и у людей своих промысл отнимать; из Английской земли в прежние годы шерсть баранью вываживали в другие государства, и от того в Английской земле многие люди обнищали было; рассудив то дело поразумнее. королевское величество заказал шерсть вывозить из земли и тем опять бедных людей воскресил, сукна в своей земле

делать велел, и теперь лучше этих сукон ни в которых государствах не делают, этим иноземцев-мастеров в Английскую землю привели, землю и подданных обогатили так, что славнее и богаче нашего государя нет между окрестными. И теперь недавно королевское величество заказал из Английской земли белые сукна возить в другие государства, потому что прежде иноземцы наши сукна красили и справляли, от того богатели, а теперь это поворотилось к королевским подданным.

По выслушании письма в Думе было положено отвечать гладостью, что такого дела теперь решить без совету всего государства нельзя ни по одной статье, а как скоро решат, то государь даст знать королю, а теперь бы королю на царское величество мненья за то не держать, вперед то все их братскою дружбою и любовью исправится. Гостей и торговых людей теперь же расспросить: если дать дорогу английским гостям в Персию и позволить им Обью-рекою искать дороги в Китайское государство, то государевой пошлине и им, торговым людям, убытка от того не будет ли? Также спросить о железной руде, о смоле и белом камне. Гости отвечали: думают они, что английским гостям не Персия дорога, проискывают дороги в Индейское государство; ходят они в Индейское государство морем на Турцию и Персию, и этот путь им очень тяжек, а государевою землею ходить им будет легче; только от того государю прибыли не будет, потому что с них и с их товаров, по государеву жалованью, пошлин не берут и товаров у них не пересматривают, а русским людям в том изъян будет: здесь гости привели ту же причину, какую приводили бояре Мерику. Русским людям, продолжали гости, сообща с англичанами торговать нельзя, англичане люди сильные и богатые, у них с нашими ни в чем не сойдется. О дороге в Китай гости сказали, что они Китайского государства не знают, мало про него и слыхали, в Сибири не торговали, а слыхали они, что давно уже англичане туда дороги ищут, да не найдут, и вперед им туда не дорога ж, поискав да и покинут. Про железную руду гости сказали: только государь велит искать английским людям руды железной на пустых местах, то убытка государю и никому из них не будет, убытки и завод весь англичан, а как только найдут, то русским людям кормленье от того будет и железо будет дешевле, потому что из государевой земли за море железо нейдет, а идет железо в государеву землю от них из-за моря, а если найдут железо, которое льется, как медь, то это будет в Московском государстве диковина. Английские же люди завели и канатное дело, и от того было кормленье многим русским людям бедным, которые у них работали, да и научились у них русские люди канаты делать. Про лен, что около Вологды сеять, и про пеньку гости сказали: думают они, что английские гости за этот промысел хватаются для того, что из Пскова лен теперь к ним нейдет, а из Вязьмы, Смоленска и Белой пеньки также нет; русским людям, которые торгуют пенькою и льном, помешка будет, а что хотят делать полотна на парусы, и на то они привозят полотна с собою, а русские полотна на парусы не годятся, за море русские полотна нейдут, а лен, посконь и пряжа идут; которые этим торгуют, тем убыток будет, а бедным людям у англичан от того кормленье будет, как станут завод заводить и работать. Но некоторые торговые люди, именно Юдин, Булгаков и Котов, сказали, что русским людям убытка не будет, а только лен в Московском государстве подешевле будет да и английским гостям тут прибыли будет мало, ведь им не 500 четвертей семени льнянова сеять и на свой им судовой обиход льну и поскони не напахать, да и земли тут нет такой, чтоб пеньку родила, и лен обойдется им дорого, а если русские люди увидят у них тут какой-нибудь промысл, то и сами за тот же промысл ухватятся. О смоле сказали: если смолы за море не отпускать, то смола дешевле и государевым людям прибыли меньше; когда смолу отпускают за море, тогда бочка смолы стоит рубль, а, как ее за море не отпустят, тогда та же бочка - две гривны и государевой пошлине убыток. Но другие торговые люди, которые у Архангельска бывали в

таможенных головах, сказали, что, напротив, если смолы не отпускать, то пошлине прибыльнее будет, потому что пойдет три пошлины: 1) с крестьян, которые торговым людям продают; 2) когда купцы продают ее к канатному делу; 3) с канатов весовая пошлина; а отпускать смолу за море, то с нее пошлины меньше, а с канатов никакой, станут возить сырую пеньку да смолу и станут канаты смолить за морем, канатное дело за смолою остановится, бедным людям кормиться будет не с чего, и мастера канатные переведутся; на этом основании бояре приговорили: без государева указа смолы за море пропускать никому не велеть, а у Архангельского города вольно всем иноземцам смолу покупать. Об алебастре гости сказали, что его горы большие, лет в 50 еще не выбрать; когда его от берега будут брать, то судам легче ходить, и как станет у англичан какой промысел, то и государевы люди станут тем же промышлять.

Согласно с этими ответами гостей Мерику предложены были статьи докончания; он соглашался на все, но отклонил от себя заключение наступательного союза английского короля с царем на польского короля, хотя и обнадежил крепко, что если государь сошлется об этом с его королем, то Иаков поможет ему на Сигизмунда. В заключение Мерику предстояло отделаться еще от одного требования бояр. Мы видели, что московский посланник Зюзин должен был требовать от английского правительства возвращения тех русских, которые были отправлены Годуновым для науки. Ему их не отдали; потом подьячий Грязев, отвозивший царскую грамоту королю Иакову в 1615 году, доносил, что англичане скрывают этих русских людей и привели их всех в свою веру; одного из них, Никифора, поставили в попы и живет у них в Лондоне, а другой - в Ирландии секретарем королевским, третий - в Индии в торговле от гостей; Никифор за английских гостей, которые ходят на Русь, бога молит, что вывезли его из Руси, а на православную веру говорит многую хулу. Бояре приступили к Мерику с вопросом об этих четырех ребятах, которых он сам при Годунове вывез из Москвы в Англию. Мерик отвечал, что они выучились и их хотели отпустить в Россию, но они сами не хотят. Бояре отвечали: "Как же их не отпустить, ведь они нашей веры? Если им сюда не быть, то и от веры отстать?" Мерик отвечал: "Есть теперь один из них в Англии, Никифором зовут, другой - в Ирландии, два - в Индии; как будут в Англии, то их пришлют".

При отпуске, когда бояре сказали Мерику, что государь пожалует его за его службу, то он отвечал: "Царских мне милостей и жалованья много, а служить я царскому величеству рад, что я должен делать: у себя я в Английской земле родился, а на Руси взрос; столько хлеба не едал в своей земле, сколько в Московском государстве, и мне как не служить?" Мерик получил за свои хлопоты на съездах с шведскими послами: цепь золотую с парсуной (портретом) царского величества, ковш с камнем, платно персидское, шелк лазорев да червчат с золотом на соболях, образцы низаны жемчугом с камнем, шапку лисью черную, кусок бархату, кусок атласу, камку, пять сороков соболей, 5000 белки.

Неизвестно, был ли доволен князь Иван Ульянович своим делом и его следствиями, по крайней мере в Москве и в Стокгольме были очень довольны Столбовским миром: возвращение Новгорода и избавление от шведской войны при опасной войне с Польшей делали нечувствительною потерю нескольких городов: теперь было не до моря! Густав-Адольф с своей стороны был очень доволен по причинам уже известным; он так говорил на сейме 1617 года: "Великое благодеяние оказал бог Швеции тем, что русские, с которыми мы исстари жили в неопределенном состоянии и в опасном положении, теперь навеки должны покинуть разбойниче гнездо, из которого прежде так часто нас беспокоили. Русские - опасные соседи; границы

земли их простираются до Северного, Каспийского и Черного морей, у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города, они могут выставлять в поле большое войско, а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море. Большие озера - Ладожское и Пейпус, Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него; у России отнято море, и, бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек".

Для окончательного подтверждения мирного договора король назначил полномочными послами в Москву Густава Стейнбока, Якова Бата и секретаря Монса Мартенсона; с русской стороны в Стокгольм были назначены дворянин князь Федор Борятинский, дворянин Осип Прончищев и дьяк Кашкин. В сентябре 1617 года московские послы по договору съехались с шведскими на рубеже, на реке Лавуе, на мосту, чтоб показать свои грамоты, так ли написаны. Оказалось, что не так, начались споры за титул, и дело затянулось, начали посылать к государю на обсылку, тогда как государю нужно было как можно скорее кончить дело: он написал к Борятинскому, что польский королевич Владислав Дорогобуж взял, хочет идти на Москву; послы по его наказу должны были говорить шведским послам и, будучи в Стекольне (Стокгольме), шведским думным людям, чтоб король Густав-Адольф помог царю, послал свое войско в Ливонию, а царь после воздаст за это; Борятинский должен был говорить шведам, что Владислав, достигая Москвы, хочет достигать и Швеции, что Владислав называет Густава-Адольфа изменником своим: шведские послы отказали: "Велено нам о том говорить, как будем у государя на Москве, а с вами нам о том говорить не велено".

Только 15 февраля 1618 года послы двинулись с рубежа: одни - в Москву, другие - в Швецию. Борятинского с товарищами долго держали в Упсале, не везли в Стокгольм, отговариваясь тем, что дороги нет и что король хоронит брата своего Иоанна; только 2 июня пошли из Упсалы в Стокгольм. Здесь Борятинскому удалось выговорить, чтоб король писался не государем Ижерской земли, но государем в Ижере, на том основании, что не вся Ижерская земля за шведами. Густав-Адольф согласился заключить договор, чтоб стоять на польского короля заодно и не мириться одному государю без желания другого, но требовал, чтоб царь не писался никогда ни к кому ливонским, отказался от всех притязаний на эту землю, чтоб шведским купцам отведены были особые торговые дворы в Москве, Новгороде, Пскове и в других местах, где они будут просить, чтоб шведским купцам позволено было ездить во все русские города, торговать в Архангельске, Холмогорах, на рыбной ловле в Белом море, на Лопском берегу, в устье Колы и около Онежского озера, ездить в Онежское озеро на своих судах, чтоб вольно было им ездить в Персию и Татарскую землю, в Крым и Армянскую землю и обратно, чтоб послов, гонцов и купцов не запирают в дворах по московскому обычаю, ходить им просто и вольно, быть им, как у друзей, а не как пленникам. Послы отвечали, что они на заключение такого договора полной мочи не имеют, и король решил послать с ними в Москву нарочно для этого секретаря своего. Послы настаивали, чтоб король с ними же договорился стоять на польского короля заодно с Москвою и войско на него послать, а о других статьях пусть шлет договариваться в Москву; им отвечали: государя нашего люди в лифляндских городах против поляков стоят, а нам Сигизмунда короля, здесь живучи, бояться нечего, живем на острове, около нас вода; только впредь польский король нашему королю лиха не учинит, то государю нашему для чего на польского короля людей своих посылать и его взять добровольно на свои головы? Послы возражали, что статьи, из которых дело останавливается, уже внесены в Столбовский договор и их переговаривать нечего, а

других статей им без наказа утвердить нельзя. Канцлер отвечал: "Правда, что статьи внесены, но не подробно и так не делается, как уговорились, надобно снова подтвердить". Ясно было, что шведы или хотели новых уступок за союз против Польши, или хотели дождаться, чем кончится борьба у поляков с Москвою. Она кончилась без их вмешательства.